

БОЛЬШАЯ
КНИГА
УЖАСОВ
2018

Большая книга ужасов

Елена Арсеньева

Большая книга ужасов 2018

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Большая книга ужасов 2018 / Е. А. Арсеньева — «Эксмо»,
2017 — (Большая книга ужасов)

ISBN 978-5-699-97862-5

Сборник страшных историй о зимних чудесах, которые не всегда бывают веселыми и добрыми. О необычных и опасных местах, о древних богах и духах, повелевающих холодами, снегом и тьмой. И о том, как хрупок привычный нам человеческий мир...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97862-5

© Арсеньева Е. А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Елена Арсеньева	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

**Елена Арсеньева, Роман
Волков, Ирина Щеглова
Большая книга ужасов 2018**

© Арсеньева Е., Волков Р., Щеглова И., 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Елена Арсеньева Лунный пес

*Гарм с окровавленной грудью,
Пёс красноглазый, четырехглазый,
Дремлет покуда
У Гнипахеллира –
Пещеры со сводом нависшим.
Думают, Гарм здесь цепями прикован,
Да разве цепями такого удержишь?!
Ждите, ждите,
Придет он к вам, люди, –
Гарм, Лунный Пёс,
Ужаса шлем – Агисхьям –
Начертав в небесах!*

Из «Сказаний о Гарме, Лунном псе»

...Остров Туманный больше не стоит напротив Городишка, а носится по волжским волнам то по течению, то против него. Совершенно так мечется по небу манья, звезда тоскливая, блуждающая... Само собой, высадиться на его берег никто не решается, да и не подпустит к себе Остров никого: так начнет колыхаться, такую волну погонит, что как бы не потопил твою лодку. Тут уж не до высадки!

Теперь никому не узнать, куда скрылось белое озеро, обиталище туманов, и, само собой, никто и никогда не увидит того странного дерева, которое с некоторых пор появилось на Острове.

А случилось это так.

Змеиное тело долго висело на ветке осины, пока тоже не покрылось древесной корой. Постепенно из коры пробились побеги, которые сплелись с осиновыми ветвями. Листья их смешались и разрослись так буйно, что за ними уже почти не видны змеиные глаза: зеленый и голубой. Теперь это глаза дерева. По большей части они дремлют, но иногда поднимают заскорузлые веки и точат слезы. Случается это, когда с куста шиповника, цветущего круглый год и особенно пышно зимой, ветер обрывает белые лепестки и приносит их к дереву...

Человек, знающий, что произошло на Острове, увидев эти слезы, наверное, тоже заплакал бы. Беда только, что из шестерых знающих остались в живых лишь двое, да и те стараются даже не думать и не вспоминать, что там творилось.

Слишком это было страшно. И слишком многое там осталось... осталось безвозвратно!

Безвозвратно – это значит не вернется никогда.

* * *

Эту девчонку Валушка определенно уже где-то видела – раньше, еще до того, как она возникла около школы, куда пришлось забежать, чтобы сдать библиотечные книжки. Теперь можно отправиться на каникулы свободной и беззаботной, хотя и с вечно промокшими ногами: что весна, что лето в этом году выдались отвратительно сырыми и холодными, дождь шел почти непрерывно, а когда ливень сменялся моросью, как сейчас, это считалось

практически хорошей погодой. Причем такая же пакость, судя по телевизионным новостям, творилась во всем мире! И все же каникулы есть каникулы, и следовало придумать, как их поинтересней провести.

Юля Комарова, лучшая подруга и новая двоюродная сестра (Валюшка Морозова долгое время была круглой сиротой, а когда ее удочерили доктор Михаил Иванович Потапов и медсестра Марина Николаевна, обрела немало совершенно новых родственников!), надеялась снова отправиться во Францию, где она уже побывала позапрошлым летом ¹ и где ее, конечно, ждут еще более таинственные приключения. А дома у Валюшки взрослые никак не могли решить, куда все-таки поехать в отпуск.

Она только собралась с горьким вздохом пожаловаться на это Юле, как вдруг увидела ту девчонку. И запнулась. Что-то очень знакомое было в этих огромных черных глазах с длинными, круто загнутыми, словно бы кукольными ресницами...

«Завивает она их, что ли?» – сердито подумала Валюшка, которая в свое время опоздала на раздачу ресниц и достались ей какие-то белесые недоразумения. Такими же недоразумениями оказались и брови. И волосы, прямые и жесткие – натуральная солома... А эта девчонка, сразу видно, пришла и за ресницами, и за бровями самой первой! И волосы у нее оказались тоже черные и выющиеся...

Правда, при более внимательном рассмотрении выяснилось, что эти замечательные волосы заплели в две длинные косы во времена незапамятные и с тех пор ни разу не переплетали и не расчесывали, так что кудряшки местами превратились в настоящие лохмы.

Стоило Валюшке это обнаружить, как недостатки незнакомки буквально полезли в глаза.

Судя по всему, она была совершенной пофигисткой. Пожалуй, ее длинный, не по росту, серый плащ без пуговиц откопали даже не в самом зачуханном секонд-хенде, а на какой-то помойке! Из-под плаща виднелось линялое куцее ситцевое платьишко, едва прикрывающее длиннющие загорелые ноги (Валюшке не без сожаления пришлось признать, что таким ногам позавидует любая модель!), покрытые царапинами и синяками. Видимо, им, по воле хозяйки, приходилось вести бурную и нелегкую жизнь!

Обута девчонка была в кроссовки, убитые до такой степени, что было вообще не понять, какого они цвета. Задники стоптаны, и кроссовки превратились в некое подобие шлепанцев.

Но самое противное, что во всех этих отрепьях, замурзанная и неумытая, девчонка была несусветно хорошенькой. И даже красивой!

Ну и как может существо женского пола, которое слышало в свой адрес только снисходительные «ну ничего так» или «ага, симпатичная», относиться к явной и бесспорной красавице?!

Да никак! Просто не замечать ее!

И Валюшка прошла мимо с самым безразличным выражением лица, словно в упор эту, с ее лохмами и ресницами, не видит. Юля Комарова тоже сделала незрячие глаза.

Правда, выходя из школьного двора, Валюшка не выдержала и обернулась.

Зачуханной красотки около крыльца уже не было. Вряд ли она могла, даже с ее ногами от ушей, перескочить через ограду! Наверное, в школу зашла. Ну попадись она Эвелине Николаевне Комаровой, Юлиной маме, математичке, самому строгому завучу на свете и яростному борцу за чистоту и аккуратность!..

– Сейчас Эвелина Николаевна шуганет ее так, что пойдут клочки по закоулочкам! – злорадно хихикнула Валюшка.

– Кого? – спросила Юля Комарова.

¹ Об этом можно прочесть в повести «Ночь на французском кладбище» Елены Арсеньевой.

– Да эту, неумытую! – кивнула Валюшка.

– Какую неумытую? – оглянулась Юля.

– Ну которая с черными лохмами! В плаще без пуговиц! – пояснила Валюшка подробнее.

– Не поняла, – пожала плечами Юля. – Ты о ком?

– Да о той замарахе в лохмотьях, которая тут стояла, около крыльца, – еще подробнее пояснила Валюшка, но, поскольку с Юлиного лица не сходило удивленное выражение, она тоже удивилась: – Ты что, ее не заметила?

– Да не было тут никого, – фыркнула Юля.

– Как не было? – изумилась Валюшка. – Я же своими глазами видела это чучело!

– А я своими глазами никогошеньки не видела, – ухмыльнулась Юля – и вдруг схватила Валюшку за руку: – А теперь вижу! Да кого!!! Это же Черкизов!

Тут Валюшка немедленно забыла про всех на свете черноглазых чучел в линялых обносках, потому что Валерка Черкизов был одним из трех мальчишек, к которым она испытывала нежные, и даже более чем нежные, чувства.

Впрочем, ее одноклассник Игорь Дымов не считается: без толку увлекаться парнем, под кроссовками которого так и хрустят осколки разбитых девчоночьих сердец. Ну захрустит там еще и Валюшкино – Игорь этого даже не заметит!

К сожалению, не считается и Никто: не то черт, не то ангел, в которого Валюшка влюбилась минувшей зимой². Вновь они смогут встретиться только после Валюшкиной смерти, а это, может быть, еще через полвека произойдет! Хорошо же она к тому времени будет выглядеть! На нее и смотреть-то никто (в том числе и Никто!) не захочет!

А вот Валерка Черкизов... Валюшка влюбилась в него еще прошлым летом и столько из-за этого настрадалась!

Тут Черкизов соблаговолил заметить их с Юлей и сказал вежливо и холодно:

– Привет, Комарова. Привет, Валентина.

«Валюшка» – это звучит очень мило до тех пор, пока не сообразишь, что к этому слову можно подобрать массу дурацких рифм: ватрушка, подушка, погремушка, игрушка, болтушка, лягушка, нескладушка, лохушка, чушка, старушка... нет, вот эта рифма пока, к счастью, неактуальна!

Один только Никто любил Валюшку вместе со всеми ее рифмами, любил такой, какая она есть: может быть, смешной, может быть, нелепой, иногда недогадливой, иногда неуверенной в себе, иногда трясущейся от воспоминаний о тех страхах, которые ей пришлось пережить... Она чувствовала себя такой счастливой и сильной рядом с ним!

А вот в присутствии Валерки Черкизова на Валюшку наваливались все комплексы на свете, и она начинала жутко выпендриваться. Вот и сейчас почувствовала, как физиономия каменеет в дурацкой пренебрежительной гримасе, хотя надо было просто улыбнуться и сказать «Привет, Валерка!».

Впрочем, он настолько вырос и повзрослел с прошлого лета, что его даже как-то неловко называть Валеркой, как раньше. Юля Комарова, которая с ним учится в одной школе – с французским языковым уклоном! – и даже в одном классе, рассказывала, что его все теперь называют коротко и солидно: Валер. Немножко странно звучит, конечно, но что поделать, если он не выносил, когда его называли Валерой! Валера – холера, афера, галера... Так что не одна Валюшка не любила рифмы! Вот и стал он Валером. А «Валерка» остался там, в Городишке, где трое до смерти перепуганных ребят пытались уничтожить Веру-мегеру, Владычицу Туманного Острова³.

² Об этом можно прочесть в повести Елены Арсеньевой «Никто из преисподней».

³ Об этом идет речь в повести Елены Арсеньевой «Сын Тумана».

Валюшка после встречи с Никто и своих зимних приключений тоже повзрослела, но ее длинно и солидно, Валентиной, называл только Черкизов, да и то лишь потому, что она сама попросила его об этом. Тоже ради выпендрежа! Но с ним самый выпендренный выпендренж был заранее обречен на провал. И не только потому, что Валюшка с Лёначкой Погодиным, ее лучшим на свете другом и, можно сказать, братом, чуть не убили Валера Черкизова (в то время просто Валерку). Нет, проблема в том, что Валерка был до умопомрачения влюблен в какую-то девчонку по имени Ганка. Как-то раз он случайно проговорился, как ее зовут, и Валюшка навсегда запомнила, как было произнесено это имя. С трепетом, вот как! Она видела Ганку только мельком, да и то лишь на типографской листовке с надписью «Разыскиваются те, кто знал эту девочку». Листовку Валерка носил у самого сердца, и только полная дура не поняла бы почему. А Валюшка в таких делах отлично разбиралась, тут уж рифма «лохушка» к ней совершенно не подходила.

Та девчонка на листовке была хорошенькая – ну просто спасу нет! При виде таких мальчишки задерживают дыхание и ошеломленно думают: «Ого, какая!» У нее были невыносимые черные глаза с длинными круто загнутыми ресницами, и брови, словно нарисованные тоненькой кисточкой, и черные косы, обрамленные кудряшками...

Стоп! Что такое?! Да ведь это было изображение той самой замарашки, которую Валюшка только что видела около школы! Вот почему ее лицо показалось таким знакомым!

Значит, вот она какая на самом деле, эта Ганка...

Наверное, у нее свиданка с Черкизовым. Да она спятила, что ли, – в этом жутком прикиде явиться на встречу с таким парнем?! В школе, где Валер учится, за ним буквально каждая вторая гоняется, причем успеха так никто и не добился. Ну понятно – у него же роковая страсть к этой Ганке... Видимо, Валер настолько ею ослеплен, что ему по барабану, как она одета.

Еще раз стоп!

Откуда Ганка взялась? Она ведь исчезла, пропала куда-то, недаром же ее разыскивали с полицией! И вот она – здравствуйте, я ваша тетя!

А что, если Валер не знает, что Ганка здесь ошивается? Юля ведь ее не заметила – может быть, и он не заметил?

Тогда надо поскорей увести его отсюда, пока Ганка не появилась снова.

– Слушай, Валер, – сказала Валюшка самым нежным голосом, на какой только была способна, – пошли на Откос прогуляемся, а? Смотри, в кои-то веки дождь перестал. Вдруг повезет и увидим закат?

С волжского Откоса минувшей зимой улетел в золотой закат Никто, который раньше был чертом, а потом с Валюшкиной помощью вновь сделался ангелом, ангелом-хранителем. Улетел, распахнув во всю ширину белые крылья... Она знала, что Никто не вернется, да и закаты этим ужасным дождливым летом редко можно было увидеть. Но, может быть, облака разойдутся?

Валюшка не сомневалась, что Черкизова придется сто лет уговаривать и всячески улеплять. И чуть не онемела от изумления, когда он вдруг кивнул:

– Пошли. Я тоже на Откос собирался.

Валюшка сделала умоляющие глаза, и Юля – лучшая подруга и настоящий друг! – немедленно придумала какие-то неотложные дела, по которым ей нужно срочно убежать. На счастье, она была к Черкизову совершенно равнодушна; вдобавок у нее там, во Франции, остался какой-то Алекс. Между прочим, судя по Юлиным рассказам, редкая пакость, но это уж сугубо ее проблемы, в кого влюбляться!

Итак, Юля умчалась по своим придуманным делам, а Валюшка и Черкизов пошли к Откосу. Валюшка не вполне верила своей удаче, а потому без умолку болтала о погоде, природе, будущих каникулах, опять жаловалась на маму Марину и Михаила Ивановича, кото-

рые никак не могут определиться с отпуском, и пыталась вызнать у Валера, куда он собирается поехать отдыхать.

– Надеюсь, не в Городишко? – наконец спросила она и торопливо засмеялась, намекая на то, что это шутка.

Да, шутка получилась дурацкая: в Городишке прошлым летом погиб Сан Саныч Черкизов, дядя Валерки; потом и самого Валерку, и Валюшку, и Лёнечку чуть не прикончила Владычица Острова.

Боже упаси возвращаться в Городишко!

Валюшка очень удивилась бы, если бы услышала, что в Городишко и ей, и Валеру, и Лёнечке вернуться все же придется и Валеру об этом прекрасно известно, вот только он не представляет, как ей об этом сказать.

Узнал Валер об этом от Марии Кирилловны Серegiной, замминистра экологии ⁴. Этим утром она вдруг позвонила и сообщила, что приехала из Москвы в Нижний специально для того, чтобы встретиться с ним...

* * *

Со времен незапамятных Вёльва ⁵ живет,
Та, что грядущее видит, в прошлое глядя.
Она повествует, Вёльва, она прорицает:
«Ясень стоит посредине земли.
Имя ему – Иггдрасиль,
Дерево жизни и смерти,
Омыт он росой, дождями и снегом.
Урд – Великая Бездна –
Лежит у него под корнями,
Простираясь в самый Нифльхейм,
Возникший еще до начала творенья
(Хельхеймом он также порою зовется).
Там красноглазая Хель, сине-белая смерть,
Правит от века,
Царство там снега и льда, холод предвечный,
Владение тьмы, страна стужи!
Ни искры не видно, ни проблеска света живого...»
Из «Сказаний о Гарме, Лунном псе»

* * *

– ...Все началось с того, что появились белые животные, – сказала Мария Кирилловна.

– А разве их раньше не было? – удивился Валер.

– Были, конечно, сколько угодно! Но они рождались белыми. А теперь животные – да и птицы тоже! – внезапно начали менять цвет. Рождается черное, рыжее, пестрое животное

⁴ Об их знакомстве рассказывается в повести Елены Арсеньевой «Остров погибших душ».

⁵ Вёльва – так в скандинавской мифологии называется вещая пророчица, предсказательница.

или птица – и вдруг становится белым. Причем очень быстро, в течение нескольких дней. Нынешней весной это приобрело буквально характер эпидемии.

– А это побеление для людей опасно? – решил пошутить Валер. – Все брюнеты блондинами не станут?

– Да просто не успеют, – вздохнула Мария Кирилловна. – Это, как ты говоришь, побеление – один из первых симптомов страшной опасности, которая угрожает человечеству. Вполне возможно, что минувшая холодная весна и нынешнее ужасное лето – вообще последнее весна и лето на планете. На смену им, если наши опасения подтвердятся, придет вечная зима. Сначала здесь, в Европе, а потом и во всем мире. Животные первыми приспосабливаются к перемене условий, вот и меняют цвет.

– Новый ледниковый период? – опять пошутил Валер, слабо улыбаясь и надеясь, что Мария Кирилловна тоже шутила.

– К сожалению, да, – мрачно ответила она, и Валер понял: тут не до шуток.

Но вообще-то их разговор начался не с этого.

– Ты очень вырос, – вот первое, что сказала Мария Кирилловна.

Валер кивнул. И сразу вспомнил, как, увидев подростковую и повзрослевшую за одну ночь Ганку и обнаружив, что она немножко выше его, печально подумал, что у нее, наверное, будет модельный рост, а у него в этом смысле плохая наследственность. Однако за минувшие два года он здорово вытянулся, на голову перерос обоих родителей и сейчас смотрел на Марию Кирилловну не снизу вверх, а прямо в глаза ей смотрел – в черные глаза с кукольными, круто загнутыми ресницами. Глаза были Ганкины, но все же перед ним стояла Мария Кирилловна Серегина, зам-министра экологии.

Валеру потребовалось немалое время, чтобы убедить себя: Ганка и Мария Кирилловна – это не только разные люди, но даже, если так можно выразиться, разные существа. Поэтому он больше не комплексовал насчет того, что до смерти влюбился в девчонку, а она, оказывается, одновременно и девчонка, и вон кто! Это «раздвоение» было одним из чудес и превращений острова Туманный ⁶, и в конце концов Валер с этим смирился.

– Ты так и не собрался приехать в Москву, – вздохнула Мария Кирилловна. – А мы с Галей тебя ждали. Помнишь, я тебе говорила, что моя внучка Галя очень похожа на... на Ганку?

Валер только головой покачал, но ничего не ответил.

– Я понимаю, – сказала Мария Кирилловна. – Тебе не нужна замена. Со мной тоже так было, когда погиб мой муж. Мне не нужен был никто другой, я и замуж больше не вышла. И ты, и я способны любить только одного человека. Это называется «однолюбы». И... она такая же.

– Кто? – насторожился Валер.

– Она, – повторила Мария Кирилловна. – Ганка. Уж я-то знаю, поверь!

У Валера пересохло в горле.

– Ты хотел бы увидеть ее снова? – вдруг спросила Мария Кирилловна.

Валер поглядел на нее как на сумасшедшую. Причин для такого взгляда было две. Первая: как можно снова увидеть того, кого, строго говоря, никогда не существовало? Вторая: зачем спрашивать о том, что и без слов совершенно понятно?!

– Не смотри на меня как на сумасшедшую, – усмехнулась Мария Кирилловна. – Кстати, имей в виду: день или два, ну, возможно, три тебе придется отсутствовать. Нужно снова побывать в Городишке. Как к этому отнесутся твои родители?

– Да они как раз в это время каждый год в экспедицию уезжают, – нетерпеливо отмахнулся Валер. – Они ведь геологи! Никаких проблем. А... это правда... ну, то, что вы сказали?

⁶ О том, что там происходило, речь идет в повести Елены Арсеньевой «Остров погибших душ».

– Про Ганку? – улыбнулась Мария Кирилловна. – Конечно! Такими вещами не шутят.

– Но как это может быть?! – недоверчиво воскликнул Валер.

– Ты слышал когда-нибудь такие слова: осуществленное невозможное? – в свою очередь, спросила Мария Кирилловна.

– Это типа фантастика какая-то? – скептически улыбнулся Валер.

– Ничего себе фантастика! – воскликнула она. – Разве то, что происходило на Острове, не было именно осуществленным невозможным? И это была не фантастика, а самая настоящая реальность. Мы ее пережили. Сначала Ганка. Потом ты. И мы знаем, что всё это происходило на самом деле, хоть и казалось невозможным!

Валер кивнул и пробормотал:

– Но ведь Вера Белова, которая всё это делала, была, как бы это сказать...

– Ведьма? Колдунья? – подсказала Мария Кирилловна.

Валер кивнул:

– Ну да. А Уран – он вообще был даже не человек! Он был сыном тумана!

– Всё дело именно в Тумане, – задумчиво проговорила Мария Кирилловна, и слово «Туман» прозвучало так, словно было написано с большой буквы. В голосе Марии Кирилловны слышались уважение и страх... – Прежде всего в нем. Но существуют определенные научные разработки, которые позволяют совершать некие действия наподобие тех чудес, которые совершали Вера и Уран. В это сложно поверить и так же сложно объяснить, поэтому я тебе не буду морочить голову научными подробностями, а сразу перейду к сути дела.

– Голограмма? – угрюмо перебил Валер, которого уже больше ничего не интересовало, кроме возможности снова встретиться с Ганкой. – Вы предлагаете мне увидеть голограмму Ганки?

– Голограмму? – презрительно повторила Мария Кирилловна. – Ты меня обижаешь. Она будет живая. Такая, какой ты хочешь ее видеть! Такая, как раньше. Ну, только немного повзрослей – ведь и ты повзрослел! Поумней...

– Ведь и я поумнел? – насмешливо бросил Валер, пытаясь ухмылкой прикрыть безумное желание поверить в то, что обещала Мария Кирилловна.

– И это тоже, – серьезно ответила она. – Вдобавок Ганка будет владеть всей той информацией, которой владею я. Ее мысли будут отчасти моими, оттого она и покажется здорово поумневшей. Но чувства... чувства только ее! Они останутся такими же, какими были позапрошлым летом, когда вы встретились на мостках в тумане. А еще я сохранила для нее твои часы... И я очень рада, что ты носишь эти. – Она взглядом показала на запястье Валера, на котором красовался тяжелый «Ролекс» с выгравированной надписью «От Ганки».

Валер раньше стеснялся этот «Ролекс» носить, а потом все же надел. Он боялся, что народ полезет с каверзными вопросами, однако гравировка была сделана с внутренней стороны браслета, и всё, что требовалось, это никому не давать мерить «Ролекс» и заглядывать куда не надо.

Валер и не давал. А если его кто-то и называл жадиной, это его совершенно не волновало!

– Вы сохранили мои часы для Ганки? – недоверчиво повторил Валер. – То есть вы знали, что она когда-нибудь вернется?

– Скажем, я не исключала такой возможности, – осторожно ответила Мария Кирилловна. – Сейчас объясню почему. Понимаешь, уже тогда, позапрошлым летом, по пути из Городишка в Москву, я дала себе слово: во что бы то ни стало проникнуть в тайну Острова. Ко мне постепенно присоединились и остальные: все, бывшие зелеными зайцами в плену Веры и Урана...

– Альфа тоже? – перебил Валер, сразу вспомнив этого «секретного товарища» и его приезд к Сан Санычу ⁷.

– В первую очередь он, – кивнула Мария Кирилловна. – Мы стали вместе работать и приложили немало усилий, в результате которых на Остров одна за другой отправились несколько экспедиций. Но ни одна так и не смогла сойти на берег. Остров нас даже близко не подпустил! Я участвовала во всех попытках, Альфа и его сотрудники Бета и Гамма – тоже. Но мы потерпели поражение.

– Как это так? – удивился Валер. – Мы с Валентиной и Лёначкой – это мои друзья – прошлым летом доплыли туда и сошли на землю совершенно спокойно!

Тут же он вспомнил события, которые произошли на Острове прошлым летом, – и покрылся мурашками. Сказать про это «совершенно спокойно» – все равно что назвать цунами легким волнением на море!

– В результате этого вашего плавания, насколько я понимаю, Остров внезапно оказался оплетенным белой травой, которая потом так же внезапно исчезла? – исподлобья глянула на него Мария Кирилловна.

– Откуда вы знаете?! – изумился Валер.

– За Островом постоянно наблюдали всеми доступными средствами. Была привлечена даже секретная военная техника. Однако и она оказалась способной фиксировать только внешние изменения. А что происходит на самом Острове, внутри его, так сказать, – это нам по-прежнему неизвестно. В одном я совершенно уверена: тебе, именно тебе всегда открыт путь туда. Ты побывал там при жизни Веры и Урана, ты вмешался в судьбу Острова, ты дважды уходил оттуда невредимым. Ты как бы стал для Острова и Тумана своим... Пусть врагом, но своим! Твои друзья попали туда потому, что были с тобой, а теперь и они, я уверена, стали для Острова своими.

– Но ведь Альфа, Бета и Гамма тоже побывали на Острове и тоже вмешались в его судьбу. Так же, как и вы! – воскликнул Валер. – Почему он не пускает их и вас?

– Думаю, потому, что там мы были другими, – сказала Мария Кирилловна. – Мы были не людьми, а зелеными зайцами! А теперь туда пытаются высадиться обычные люди.

– Бету и Гамму превратить в зайцев не успели! – вспомнил Валер. – Превратили только Альфу, а они оставались людьми.

– Возможно, они были уже недалеко от превращения, – пожала плечами Мария Кирилловна. – Они рассказывали, что, если бы Сан Саныч не застрелил Веру Белову, случиться могло всякое. У них уже не было ни сил, ни воли сопротивляться.

Валер содрогнулся. Да, Сан Саныч тогда всех их спас... А потом Вера-мегера жестоко расправилась с ним!

– После множества бесплодных попыток мы почти решили отступить, однако этой весной произошли события, которые заставили нас не только продолжить, но и активизировать исследования, – продолжала Мария Кирилловна. – Речь идет о резком и необратимом изменении климата. Все началось с того, что появились белые животные.

– А разве их раньше не было? – удивился Валер.

– Были, конечно, сколько угодно! Но они рождались белыми. А теперь животные – да и птицы тоже! – начали менять цвет. Причем очень быстро, в течение нескольких дней. Рождается черное, рыжее, пестрое животное или птица – и вдруг становится белым. Нынешней весной это приобрело буквально характер эпидемии.

– А это побеление для людей опасно? – решил пошутить Валер. – Все брюнеты блондинами не станут?

⁷ Об этом идет речь в повести Елены Арсеньевой «Сын Тумана».

– Да просто не успеют, – вздохнула Мария Кирилловна. – Это, как ты говоришь, побегание – один из первых симптомов страшной опасности, которая угрожает человечеству. Вполне возможно, что минувшая холодная весна и нынешнее ужасное лето – вообще последние весна и лето на планете. На смену им, если наши опасения подтвердятся, придет вечная зима. Сначала здесь, в Европе, а потом и во всем мире. Животные первыми приспособляются к перемене условий, вот и меняют цвет.

– Новый ледниковый период? – опять пошутил Валер, слабо улыбаясь и надеясь, что Мария Кирилловна тоже шутила.

– К сожалению, да, – мрачно ответила она, и Валер понял: тут не до шуток.

– Пока это воспринимается как случайность. И только ученым, которые занимаются проблемой глобального похолодания, понятно, что о случайности и речи нет.

– Ну да, я читал, что существует климатическое оружие, – пробормотал он, чтобы не стоять с таким обалделым видом. – К примеру, американцы или какое-нибудь там НАТО могли на нас наслать что-нибудь такое...

– Всерьез об этом говорить не стоит, – с усмешкой перебила Мария Кирилловна. – Единственное действующее климатическое, так сказать, оружие, которое мне известно, – это выбросы промышленных предприятий, загрязняющие атмосферу. Так называемые побочные продукты цивилизации! Что же касается агрессивного целенаправленного воздействия на климат отдельных стран, то у американцев и НАТО нет в этом плане ничего, чего не было бы у нас. И все прекрасно понимают, что ответ на любую попытку подействовать на природу страны противника будет симметричным. Климатическое оружие столь же опасно, как атомное. Его можно контролировать лишь до мгновения его применения. Результат этого применения непредсказуем, и обратный эффект тоже. Кроме того, «новый ледниковый период» грозит не только России и даже не только Европе, но всему миру. Вымерзнет даже Африка! Недавно в небольшом государстве Азанде несколько сотен человек погибли от внезапно наступившей стужи! Понижение солнечной активности, ослабление силы солнечного ветра – тоже приметы очень мрачного грядущего. Многие угрожающие факты пока тщательно скрываются, но они существуют и заставляют нас принимать меры... Однако ты правильно сказал: на нас эти климатические беды именно наслали. Причем я могу совершенно точно сказать откуда!

– Откуда? – спросил Валер.

Мария Кирилловна только бровями повела:

– Догадайся с трех раз!

Но до Валера дошло с первой же попытки, просто верить в это не хотелось, поэтому он ответил не сразу:

– Неужели... Неужели опять Остров?!

– Да, ты угадал, – невесело улыбнулась Мария Кирилловна.

– Слушайте, слушайте, – забормотал Валер. – Я слышал от рыбаков, будто как раз около Городишка, именно в районе Туманного Острова, резко понизилась температура воды в Волге. Причем начинается это с речного дна. И что до сих пор дно покрыто льдом. А ведь Волга никогда насквозь не промерзала, разве что на мелководье! А около Острова глубоко... Я думал, это вранье. А это правда?

– К сожалению, правда, – вздохнула Мария Кирилловна. – Точка извержения климатических бед – центр Острова. Помнишь озеро, откуда по зову Веры являлся Туман? Выбросы происходят именно оттуда – постоянно, но бессистемно, с различной силой и в различных направлениях. И дольше пребывать в неведении мы не можем. Тем более что опасения климатологов и синоптиков подтверждаются старинными пророчествами.

Валер уставился в ее черные глаза, которые сейчас ничем не напоминали Ганкины: они были очень усталыми и в то же время встревоженными.

– Это вы пророчества Нострадамуса имеете в виду? – решил он блеснуть эрудицией.

– Нострадамус предсказывает только социальные катаклизмы, а не природные, – возразила Мария Кирилловна. – Но есть такое собрание древнейших текстов северных народов – скандинавов, исландцев, тевтонов, – которое называется «Эдда». Там не единожды говорится о вымирании всего живого на Земле, которое начнется после трех непрекращающихся зимних сезонов. В «Эдде» есть страшные пророческие строки, полные довольно точных намеков. Существуют также «Сказания о Гарме, Лунном Псе», предсказывающие самый настоящий конец света. Эти удивительные «Сказания» считались утерянными, но недавно мне удалось с ними познакомиться. Мы нашли специалиста, который их расшифровал... Однако я не собираюсь тебя пугать и пускаться в пространные объяснения. Хочу только спросить: могу я рассчитывать на твою помощь? Вернее, Ганка может на тебя рассчитывать?

– Ну да, – пробормотал Валер, удивляясь, что может помочь в борьбе с наступающим оледенением планеты, а еще больше – что Мария Кирилловна об этом вообще спрашивает. Разве она не знает, что ради Ганки он сделает все-все на свете? Даже мир готов спасти. Тем более что опыт уже есть... – Что я должен сделать?

– Ты упомянул сегодня своих друзей – Валентину и Лёначку. Речь идет о Вале Морозовой и Лёне Погодине, правильно я понимаю? – уточнила Мария Кирилловна.

– Ну да, – подтвердил Валер.

– Тогда для начала приведи Вальку Морозову сегодня вечером на Откос. Насколько мне известно, она любит это место. По какой причине – неведомо, но бывает она там частенько!

– Откуда вы знаете? – удивился Валер.

– Я знаю о вас троих довольно много, – пояснила Мария Кирилловна. – Прежде всего потому, что ваши жизни неразрывно связаны и с Городишком, и с Островом. Видишь ли, даже уехав в Москву, я постоянно общалась с твоим дядей, Сан Санычем: и по телефону, и в Интернете. Он сообщал мне обо всех странностях, которые происходили в Городишке. То, что случилось с Валею, пролежавшей бог весть сколько времени в сугробе, но оставшейся живой, а потом не выносившей ни малейшего тепла, было странностью из странностей! Потом Лёначка рассказал Сан Санычу об их с Валею зимних приключениях в старой городишкинской больнице – и я тоже узнала о них. А затем, уже летом, доктор Потапов, приемный отец Вали и Лёни, сообщил мне то, что стало ему известно от вас: о гибели Сан Саныча, о вашем путешествии на Остров, о том, что случилось с Ураном и как вы втроем расправились с Владычицей Острова⁸. Валя и Лёня не случайно оказались рядом с тобой! И они могут нам здорово помочь.

– Чем?!

– Прежде всего тем, что их тоже, как и тебя, принимает Остров. Значит, они смогут послужить проводниками на Остров еще для двух членов экспедиции. Это два крупных специалиста по управлению погодой и противодействию ее агрессивной направленности. – Она вдруг осеклась, взглянула на часы и сказала торопливо: – Подробней об этом ты узнаешь вечером на Откосе. Но я, извини, прийти не смогу. Зато там будет твой старый знакомый – Альфа. Он и проведет с вами инструктаж.

– А кто еще там будет? – спросил Валер с замиранием сердца.

Мария Кирилловна легко улыбнулась:

– Ганка, конечно. Она тоже участвует в экспедиции. Но только накрепко запомни эти слова – «осуществленное невозможное». И будь готов ко всему.

Затем Мария Кирилловна торопливо простилась и ушла.

⁸ Об этом рассказывается в повестях Елены Арсеньевой «Демоны зимней ночи» и «Сын Тумана».

* * *

Она повествует, Вёльва, она прорицает:
«Гарм с окровавленной грудью,
Пес красноглазый, четырехглазый –
Он даже на Одина лает,
Он даже отца колдовства не страшится,
Верный страж Хель! –
Дремлет покуда
У Гнипахеллира –
Пещеры со сводом нависшим.
Думают, Гарм здесь цепями прикован,
Да разве цепями такого удержишь?!
Ждите, ждите,
Придет он к вам, люди, –
Гарм, Лунный Пёс,
Ужаса шлем – Агисхьям –
Начертав в небесах!»
Из «Сказаний о Гарме, Лунном псе»

* * *

– Помните: вы – группа сопровождения, и не более того, – неумолимо твердил Альфа, по сути дела, повторяя то, о чем шла речь вчера на Откосе.

Заместитель начальника экспедиции (кто начальник, Валюшка так и не узнала) велел называть себя Альфой, но не пояснил почему. Впрочем, может быть, у него и в самом деле была такая фамилия.

Валюшка сразу поняла, что Альфа и Валер знакомы, однако они ограничились только сдержанными кивками и отвели глаза, как будто им было неприятно друг на друга смотреть. Впрочем, кто Альфа (судя по эмблеме на рукаве форменки и погонам – высоченный чин МЧС, минимум генерал!) – и кто Валер?! С чего бы им радостно обниматься при встрече? Тем более у Валера и так есть с кем обниматься...

Чумазая Ганка тоже притащилась на Откос (оказывается, она имела какое-то отношение к Альфе – кто бы мог подумать?!), и, когда Валер ее увидел, Валюшка поняла, что более кретинского выражения лица у существа мужского пола быть просто не может. Вообще Ганка немного изменилась с того момента, как появилась около школы: подстриглась, отчего на ее голове образовалась целая куча черных выющихся перепутанных волос. Лохмы, короче! И она, зараза, еще больше похорошела, стала выглядеть немного взрослее и, кажется, даже ростом выше сделалась. Но по-прежнему была одета в свои немыслимые обноски. Валер, впрочем, на них и внимания не обратил – что и требовалось доказать! Пожалуй, он даже ни слова не слышал о необходимости сопроводить на Остров какую-то секретную экспедицию, что могут сделать только он сам да Валюшка с Лёнечкой, поскольку у них с Островом особые отношения. Этой экспедиции необходимо провести исследование погодных аномалий. Да уж, погода ныне и в самом деле аномальней некуда! И, судя по тому, что говорят по телевизору, такая же непруха чуть ли не во всем мире.

Многое в рассказе Альфы осталось непонятным, но в его тоне звучала такая непрекращаемая властность, что Валюшка не решилась задавать вопросы. Тем более что Ганка изредка очень пристально на нее поглядывала, и Валюшке не хотелось выставить себя душой или трусихой под этим взглядом. Да Ганке и не снилось, сколько пришлось пережить Валентине Морозовой на своем пока еще совсем не длинном веку! Подумаешь, что для нее еще раз на Остров сплавать!

Потом Ганка куда-то подевалась. Настроение у Валюшки стало еще лучше, тем более что Валер не потащился провожать кудлатую замарашку, а продолжал топтаться на Откосе – правда, с самым отсутствующим видом. Он рассеянно выслушал напоминание Альфы: завтра в шесть утра быть готовым к выезду в Городишко – и пообещал, что не проспит.

Альфа заявил, что должен сам сообщить Лёнечке о его участии в экспедиции и «решить все вопросы» с родителями. Он повез Валюшку домой на машине, которая словно бы вот прямо сейчас выехала из какого-нибудь шпионского блокбастера – столько в ней было всяких загадочных прибабасов: сенсорные панели, клавиши, рычажки, кнопки и кнопочки. Валюшка даже подпрыгивала на широком кожаном сиденье от желания нажать на что-нибудь – и не нажала только потому, что боялась: а вдруг машина превратится в ракету и взмоет в стратосферу? Честное слово, в тот вечер ей все казалось возможным, такое было у нее настроение!

В этом победном состоянии Валюшка пребывала и вечером. Альфа мигом убедил маму Марину и Михаила Ивановича отпустить ее и Лёнечку на пару дней в Городишко. У Валюшки, правда, создалось впечатление, что Михаил Иванович был уже в курсе дел, но, может быть, ей это только показалось... Мама Марина, конечно, немножко переполошилась – но что такое пара дней под присмотром столь ответственного товарища из МЧС, как Альфа!

Ночью Валюшка от волнения почти не спала, зато потом вздремнула по пути в Городишко. Но когда она вышла из машины Альфы на берегу Волги возле старого, облупленного, покосившегося, вросшего в гальку дебаркадера, показалось, что ее резко и беспощадно разбудили не только от сна, но и от всех шапкозакидательских мечтаний. Победная уверенность в себе тоже улетучилась как сон, как утренний туман, потому что около дебаркадера их уже поджидала Ганка.

Альфа подвел всех к военной палатке, стоявшей на берегу, и, пока все завтракали очень вкусными бутербродами и пили какао, снова начал талдычить о том же, что и вчера:

– Ваша задача – только проводить экспедицию до Острова и, возможно, помочь ей высадиться. Если после этого на берегу возникнут какие-то конфликты, вам нужно держаться от них в стороне. Не вмешиваться ни в коем случае. Повторяю: не вмешиваться ни в коем случае! Ни во что! Если участникам экспедиции придется спастись от какой-либо опасности, они сделают это без вашей помощи. Вы должны немедленно покинуть Остров при первом же признаке угрозы. И дайте мне честное слово, что поступите именно так. Мы и без того подвергаем вас слишком большому риску, привлекая к этой поездке!

– Нас никто не привлекал – что мы, преступники, которых привлекают к ответственности? – буркнула Валюшка, старательно поворачиваясь спиной к Валеру, неотрывно глядевшему на Ганку. – Мы сами согласились! По доброй воле!

– Без вашего доброго согласия экспедиция бы просто не состоялась, – кивнул Альфа и снова завел свою шарманку: – И все-таки помните: в вашу задачу входит только сопровождение и ожидание нашего возвращения около катера!

Его, строго говоря, никто не слушал. Члены экспедиции и проводники мокли под мелким противным дождем и присматривались друг к другу.

Два «ведущих специалиста по управлению погодой», к изумлению Валюшки и Лёнечки, выглядели необычайно молодыми: лет на семнадцать-восемнадцать, не больше. Поэтому как-то сразу все перешли друг с другом на «ты» – кроме Альфы, конечно!

Один из специалистов – его звали Витки Сейтман – оказался совершенным альбиносом: с белыми волосами, белым, словно из снежной глыбы вырубленным лицом с резкими чертами и очень светлыми, можно сказать льдистыми, глазами. Ресниц то ли вообще не имелось, то ли их просто невозможно было разглядеть. Рядом с Витки Сейтманом светловолосые Валюшка и Лёнечка были почти брюнетами, и даже Валюшкины никудашные реснички смотрелись очень даже живенько!

Витки Сейтман носил что-то вроде длиннополого кафтана из белой замши и белого меха и такие же штаны и сапоги. На белом поясе чернели странные знаки – древние скандинавские руны.

Ледяные глаза Витки Сейтмана при взгляде на Валюшку потеплели, и он с улыбкой сказал:

– Дистельфинк!

Голос у него оказался тяжелым, как глыба льда, и в то же время звучным и приятным.

Валюшка решила, что это красивое слово на каком-нибудь скандинавском языке означает «здравствуйте», и повторила, приветливо кивнув:

– Дистельфинк!

Витки Сейтман снова улыбнулся и сказал по-русски:

– Дистельфик – это золотистый зяблик, встреча с ним – знак удачи и успеха. Это птица твоей души. Ты принесешь мне удачу.

– Спасибо, я постараюсь, – пообещала очень довольная Валюшка. – А где ты так хорошо научился говорить по-русски? Долго жил в России?

Витки Сейтман растерянно моргнул, словно не знал, что сказать, и тут вмешался Альфа:

– С нашими специалистами проводилась серьезная работа по изучению русского языка и некоторых особенностей нашей культуры. Кроме того, они снабжены необходимой для наших исследований темпоральной и событийной информацией.

Валюшка хотела было спросить, что такое «темпоральная», однако Альфа озабоченно нахмурился:

– Что-то наш транспорт задерживается. Мне нужно связаться с руководством, извините.

При этом он взглянул на Ганку, словно спрашивал у нее разрешения. У этой нечесаной, возможно даже неумытой, в линялом платье и жутком плаще!

«Она-то тут при чем? – ревниво подумала Валюшка. – Можно подумать, от нее здесь что-то зависит! Неужели она и на Остров с нами потащится?! Нет, такой подлянки судьба мне не подложит! А впрочем, пусть едет на Остров! И пусть ее там пожрет белая трава!»

Но Валюшка тут же вспомнила, что вся белая трава должна была исчезнуть после того, как они с Лёнечкой и Валером прикончили Владычицу Острова, и огорчилась, что хоть немножко не осталось. Специально для Ганки!

– Если путь с задержки начинается, толку в этом пути, считай, не будет! – пробормотал Лёнечка. – И вообще не нами сказано: с черным в лес не ходи, с рыжим баню не топи, лысому не верь, с курносым не вяжись, а ежели у которого человека ресниц нет, тот считается чертом или, по крайности, его пособником, потому что у настоящего черта ресниц нет!

При этом он многозначительно покосился на Витки Сейтмана.

– Много ты знаешь о чертях! – рассердилась Валюшка, вспоминая Никто, у которого ресницы были (хоть и черно-белые, как его волосы), и виновато улыбнулась Витки Сейт-

ману: – Не обращайтесь внимания, пожалуйста. Лёничка одно время читал только «Словарь русских суеверий», вот и набрался там всякой ерунды⁹.

– Твой друг видит дальше тебя, – раздался чрезвычайно противный визгливый голос. Он до такой степени напоминал скрип железа по стеклу, что Валюшка передернулась. – Он видит врага!

Это заговорил второй «ведущий специалист по управлению погодой», прибывший из африканской страны Азанде. Звали его тоже Азанде. Он был черный как сажа, с яркими белками черных глаз (такие глаза бывают у вороных коней!) и, словно в насмешку, светлыми розоватыми ладонями. Он ходил практически босиком (не считая куцей травяной обмотки на ногах) и не особо обременял себя одеждой. На нем была пышная юбочка до колен из птичьих перьев и травы да странно шелестящая короткая накидка из какой-то переливчатой ткани, очень напоминающей змеиную кожу. На поясе болтались серое птичье крыло и какая-то короткая кривая палка. На шее висело ожерелье из зубов и когтей самых разных животных. Волосы у Азанде оказались не короткими и курчавыми, как у всех африканцев, виденных Валюшкой раньше, а очень длинными, черными и блестящими. Иногда они начинали как-то странно шевелиться и шелестеть, как если бы в них кто-то прятался и пытался выбраться на белый свет. Тогда Азанде резко хлопал в ладоши, после чего шелест и шевеление прекращались. Но однажды Валюшке показалось, что в этих черных волосах мелькнула какая-то небольшая тварь с клешнями и острым хвостом, напоминающая скорпиона.

Конечно, это был форменный глюк, потому что не может же человек таскать в волосах такую опасную мерзость! Или... может?

По зрелом размышлении Валюшка сочла, что на свете всякое бывает, но больше старалась к волосам африканского «специалиста» не приглядываться.

Азанде не выпускал из рук небольшой барабан, который назвал «илю»: то и дело он им потряхивал или постукивал в него, причем илю издавал не сухой и звонкий, как следовало бы, а глухой и даже утробный звук. Вот и сейчас Азанде прошелся по нему пальцами, а потом вкрадчиво спросил Валюшку:

– Слышишь, что говорит мой илю?

– Ну и что он говорит? – настороженно спросила Валюшка.

Азанде торжественно изрек:

– Мой илю говорит: «Мбисио мангу! Душа колдовства!» Это значит, что он чувствует близости какого-то аборо мангу – злого колдуна. И я даже знаю, кто это!

При этих словах он ткнул пальцем в сторону Витки Сейтмана.

Тот, впрочем, и бровью белой не повел, а спокойно ответил:

– Ну да, я в самом деле колдун. Витки Сейтман – это не имя, это значит «колдун, идущий путем чудес». Но и ты, Азанде, тоже колдун, разве нет?

– Конечно, – гордо кивнул тот. – Мне не раз давали птичье крыло в знак моего мастерства.

С этими словами он потряс серым крылом, висевшим на поясе. Оттуда посыпалась какая-то противная серая пыль. Видимо, давненько получил Азанде этот знак отличия!

– Но я никому не причиняю зла, – продолжал Азанде. – А ты... Белый человек – всегда злой человек! А такой очень сильно весь белый-белый, как ты, не может не быть помощником белого холодного зла, против которого меня призвали бороться. Наверняка ты тайшь предательские замыслы! Впрочем, если я тебя убью и использую твоё сердце и печень для своего колдовства, ты искупишь те злодеяния, которые уже совершил раньше и замыслил совершить.

Витки Сейтман хладнокровно улыбнулся:

⁹ Об этом можно узнать из повести Елены Арсеньевой «Демоны зимней ночи».

– Ну что ж, если бы моя смерть помогла расстроить происки Гарма и спасти людей от гибели, я был бы готов пожертвовать и сердцем, и печенью!

Валюшка даже за свое собственное сердце схватилась при этих словах.

Еще бы! Она-то думала, что уже никогда больше не услышит о Гарме, который ей две зимы покоя не давал и от преследований которого она с превеликим трудом отвязалась с помощью Никто ¹⁰, а оказывается, Витки Сейтман и Азанде должны расстроить какие-то его новые происки!

Какие? Что он опять задумал, черный, ужасный, беспощадный четырехглазый страж Ледяного ада, Хельхейма, царства красноглазой богини смерти Хель?!

Она только хотела расспросить об этом подробнее, как вдруг Азанде снова постучал в свой илю и громогласно изрек:

– Мбисио мангу! Душа колдовства!.. Илю предупреждает: среди нас еще и ведьма!

И ткнул пальцем в ту сторону, где стояли Валер и Ганка.

Валюшка еле удержалась, чтобы не заплодировать. Однако Валер, как ни был поглощен разглядыванием Ганки, все же услышал Азанде. Повернулся к нему и гневно бросил:

– Выбирай выражения, понял? А то не посмотрю на какое-то там птичье крыло! Между прочим, я с прошлого лета занимаюсь не только плаванием, но и боксом, так что...

Азанде одной рукой вцепился в знаменитое крыло, другой воздел сердито рыкнувший илю. Валер с воинственным видом шагнул к африканцу, однако Ганка схватила его за руку и спокойно сказала:

– Смотрите, Альфа возвращается! Давайте послушаем, что он скажет!

Боевой задор Валера вмиг угас. Азанде довольно усмехнулся, уверенный, что это он устрасил парня, однако Валюшка понимала, что Валера укротила Ганка. Легким движением руки!

Вот уж правда что ведьма!

Альфа сообщил, что прибыл катер, который отвезет команду на Остров. Говорил он вроде бы со всеми, однако смотрел только на Ганку, и выглядело это так, будто он докладывает именно ей. Валюшка сердито поджала губы...

Наконец все двинулись к старому причалу, к которому уже пришвартовался легкий зеленый катерок с надписью «Министерство экологии» на борту.

Валер и Ганка, завидев почерневшие от времени и сырости мостки, переглянулись с таким заговорщическим видом, что Валюшка поняла: убогое сооружение вызвало у них какие-то воспоминания, которые принадлежат только им двоим и которыми они ни за что не станут ни с кем делиться.

Валюшка так стиснула зубы, что они захрустели, – честное слово!

Лёничка, видно сообразивший, что с ней происходит, негромко сказал:

– Валюшка, давай потом, когда вернемся с Острова, сходим в старую больницу, где когда-то работали Михаил Иванович и мама Марина? Вспомним, как здорово нам там жилось!

Конечно, Лёничка хотел ее отвлечь и развлечь воспоминаниями об их совместном боевом прошлом, однако способ он выбрал не самый приятный!

Валюшка так и передернулась, вспомнив, сколько опасностей им пришлось преодолеть к стенам этой старой, полузаброшенной городишкинской больницы ¹¹. В эту минуту их обогнал Азанде и бросил злорадно:

– А ведь, может быть, вы никогда не вернетесь с Острова!

¹⁰ Об этом можно прочесть в повестях Елены Арсеньевой «Демоны зимней ночи» и «Никто из преисподней».

¹¹ Об этом можно узнать из повести Елены Арсеньевой «Демоны зимней ночи».

– Никогда не говори «никогда»! – раздраженно воскликнула Валюшка, хотя больше всего ей хотелось выпалить «Типун тебе на язык!». Однако в этот момент – честное-пречестное слово! – из волосяной путаницы на голове Азанде высунулся черный скорпионий хвост с грозным жалом на конце, поэтому Валюшка сочла за лучшее смягчить реплику.

– Никогда не говори «никогда»... – задумчиво повторил Витки Сейтман. – Какие мудрые слова!

– Всем надеть спасательные жилеты! – приказал Альфа и подал пример, напялив надутый оранжевый жилет, который подал ему рулевой.

Азанде неловко, стараясь не выронить барабан, который утробно и явно недовольно ворчал, облачился в жилет с помощью Лёнечки. Именно тот был назначен сопровождать африканского колдуна на остров, а это значило во всем помогать своему подопечному.

Валюшка подошла к Витки Сейтману, но обнаружила, что тот уже и сам справился с жилетом.

– Не волнуйся за меня, – улыбнулся он. – Хотя я никогда раньше не надевал таких одеяний, но сразу понял, для чего оно нужно. Надутые рыбы пузыри издавна использовались мореплавателями, чтобы держаться на воде, а это ведь что-то подобное, верно?

Валюшка растерянно кивнула и подумала, что эти погодные специалисты какие-то ужасно странные – что один, что другой!

Она снова хотела спросить про Гарма и его происки, однако рядом был Альфа, а затевать разговор при нем Валюшке не хотелось.

Валер и Ганка подошли последними. Валер выглядел сущей пластилиновой вороной, а Ганка счастливо улыбалась.

Валюшка с отвращением отвернулась и заметила, что Азанде вдруг уставился на двух черных птиц, которые появились со стороны Острова, сделали круг над пристанью и, повернув обратно, словно бы растаяли в легкой дымке, реявшей над Островом.

– Черные птицы, – брезгливо буркнул Азанде. – Плохо! Грифы, которые питаются падалью!

– Это не грифы, – с тревогой в голосе сказал Витки Сейтман, который тоже смотрел на птиц. – Это вороны! И я согласен, что их появление не к добру.

– Почему? – спросила Валюшка.

– Мне кажется, это вороны Одина, – пробормотал Витки Сейтман и, заметив недоуменные взгляды, пояснил: – Один – наш верховный бог, покровитель воинов и отец колдовства. У него два ворона – Хугине и Мунине: сила мысли и памяти. К их голосам прислушивается Один, у них выведывает глубинные тайны – и высылают их к тем, кого хочет предостеречь или напугать...

Лёнечка, конечно, не мог остаться в стороне:

– Есть у воронов свой царь-ворон, и сидит он в гнезде, свитом на семи дубах.

– Все высказались? – с откровенной издевкой осведомился Альфа. – Может, начнем посадку? Время не идет, а летит!

Валер взглянул на «Ролекс» – половина восьмого.

Потом он заметил, что Ганка тоже смотрит на часы – его часы! – и забыл о времени.

– Валерий, мы с вами поднимаемся на борт первыми, – вернул его к реальности Альфа. – За нами следуют Валентина и Витки Сейтман, потом Леонид и Азанде.

Имя Ганки не было названо, и Валюшка радостно встрепенулась: «Она с нами не едет? Для нее ведь нет сопровождающего! Неужели останется? Ну... тогда для меня еще не всё потеряно!»

В это мгновение Ганка, словно услышав Валюшкины мысли, так взглянула на нее, что та мгновенно поняла: Ганка на берегу не останется, а Валюшке ничего не светит...

Самое поразительное, что в Ганкиных глазах было не торжество, а сочувствие! Они светились этим сочувствием как прожекторы!

«Понятно: счастливая соперница жалеет неудачницу!» – обиделась Валюшка и показала Ганке язык.

Та вздохнула и опустила свои прожекторы. И, к великому огорчению Валюшки, тоже поднялась на катер.

* * *

Она повествует, Вёльва, она прорицает:
«У Гнипахеллира
рядом с Псом Лунным
Хресвельг стоит –
Хозяин погоды, владыка ветров,
Великан, нагоняющий зимнюю стужу,
Облаками играющий по своей воле.
Гарм с Хресвельгом вдвоем
Могут чертог ледяной покидать,
Чтоб на земле
Сеять раздор и погибель,
В провалы смерти живущих свергая,
Подданных Хель число умножая.
Гарм на Луну грозно воеет,
Тень свою на светило бросает.
Гарм, Лунный Пёс!»
Из «Сказаний о Гарме, Лунном псе»

* * *

– Это бесполезно, – наконец произнес Витки Сейтман, первым выразив то, что давно стало понятно и другим, но с чем никто не хотел смириться.

Он еще больше побледнел, задышался и пошатывался, так что Валюшке приходилось его придерживать.

Валюшка поразилась, насколько он худощав и легок. Удивительно, как его вообще не унесло тем ветром, который вот уже час непрерывно и мощно дул со стороны Острова, не давая катеру даже на самую малость отойти от причала!

Азанде выглядел не лучше. Он почти повис на Лёнечке, и его илю уже не урчал самодовольно, а лишь изредка постанывал, словно и у него кончились все силы.

Остальные безнадежно смотрели на свинцово-тяжелые, громоздкие, свирепые волны. Они шли по Волге от Острова вопреки всем законам течения. Вслед за волнами надвигался белый туман, настолько плотный и непроницаемый, что казалось, будто его можно резать ножом и рубить топором. Лучи прожектора катера не могли пробить эту белую массу, а отражались от нее, отбрасывались назад, почему-то приобретая пугающе-сизый оттенок, отчего лица собравшихся на палубе казались в этом свете неживыми и жутковатыми, словно лица оживших мертвецов.

А какие были предприняты усилия, чтобы оторваться наконец от старых мостков! Азанде бил в барабан, метался из стороны в сторону и подпрыгивал, на некоторое время

зависая в воздухе. Черные волосы его стояли дыбом, и теперь все могли увидеть, что в них и в самом деле живет парочка скорпионов, которых не вынесло ветром только потому, что они отчаянно цеплялись клешнями за спутанные дреды. Илю рычал и ревел так, что можно было подумать, будто где-то поблизости затаились все звери Африки, явившиеся помочь Азанде. От этого рева тряслись поджилки у всех собравшихся и нервы буквально завязывались узлом, однако на ветер и туман это никак не действовало. Вернее, почти никак: иногда туман вдруг начинал расслаиваться на струи, напоминающие огромных ставших на хвосты змей, и тогда по черному, лоснящемуся от пота лицу Азанде пробегала торжествующая улыбка, однако через мгновение «змеи» исчезали, туман опять смыкался плотной стеной, а рокот илю все больше напоминал хрип умирающего, пока не превратился в жалобные стоны.

Азанде то и дело выкрикивал «Пусть колдовство умрет!» – и потрясал птичьим крылом, беспрестанно сбрызгивая его водой из специально для этой цели подставленного ведерка. Наконец крыло обвисло и потеряло всякий вид, вода в ведерке кончилась, и в конце концов Азанде сдался. Он рухнул бы на палубу, если бы его не успел подхватить Лёначка.

Тогда настал черед Витки Сейтмана. Повинуясь то низкому, то необычайно высокому, а порой даже пронзительному звучанию его голоса, в небе вспыхивали различные руны, устремляясь в туман и ветер, словно стремительные стрелы. Однако ни одной из них не удалось пронзить белые туманные груды или пенистые валы.

Но все же старания Витки Сейтмана действовали! Туман рассеялся, и волны улеглись. Над головами засияла великолепная, чистая голубизна, не тронутая ни единым белым облачным пятнышком.

Все закричали от радости, кроме Азанде, который взвыл от зависти. Но скоро стало ясно, что и кричать от радости не стоит, а завидовать нечему.

Да, отчетливо, даже слишком отчетливо, будто каким-то непостижимым образом приблизившись, стал виден берег Острова: песок у воды и небольшой взгорок, за которым шумел под ветром лес, простирая к реке ветви, как бы маня к себе. Но это было явное издевательство, потому что катер не мог пройти дальше пары-тройки метров – а затем словно на прозрачную стену наткнулся! «Стена» эта оказалась упругой до такой степени, что отбрасывала катер назад, да с такой силой, что он едва не вылетал на берег.

– Вот же зараза... – пробормотал Альфа. – Чудит Остров, ох чудит...

Витки Сейтман, впрочем, продолжил свои песнопения, чертившие руны на невидимой стене. Однако кончилось это плохо.

Руны из нематериальных знаков почему-то превращались во вполне материальные стрелы. Все сначала глазели на них как зачарованные, однако, после того как одна из них расщепила борт катера, а вторая поразила в плечо Альфу, поспешно скрылись в рубке. Наконец Альфа приказал Витки Сейтману остановиться.

Как только тот умолк, исчезли не только стрелы-руны, но и те стрелы, которые срикошетили от «стены». Однако изрядная щербина в борту катера осталась, а рукав Альфы продолжал набухать кровью.

Итак, первая встреча специалистов по укрощению погоды с этой самой погодой окончилась для них плачевно, и присутствие трех проводников не помогло.

«Странно, странно! – растерянно думала Валюшка. – По-моему, это никакие не специалисты, а самые обыкновенные колдуны! Ну как они могут справиться с Островом и его ужасами?!»

Но тут же она сообразила, что размышляет как самая настоящая Валюшка-лохушка, у которой вместо головы подушка. Уж если кто и сможет «справиться с Островом», то это только колдуны. Ведь Остров – самое колдовское место на свете! Специалистов-то пригласили правильных, вот только слабоваты они оказались против Острова!

Что же дальше будет? Может быть, экспедиция не состоится?

Вот против этого Валюшка не возражала бы. Честно говоря, ей стало страшновато. Да, вчерашняя залихватская эйфория резко ослабела... Вспомнилось, какой ужас был пережит на Острове прошлым летом ¹². Конечно, их с Валером и Лёначкой задача только сопровождение, о чем не раз талдычил Альфа, но и сопровождение тоже может быть опасным, как выяснилось только что. Стрела попала в Альфу, но могла ведь попасть и в нее, и в Валера, и в Лёначку! Нет уж, лучше держаться от Острова подальше. К тому же, если экспедицию отменят, Ганка, может быть, уедет? Не будет больше мозолить глаза Валеру? Ведь известное дело: с глаз долой – из сердца вон...

Валюшка в этом на собственном опыте убедилась. Она ведь сначала жутко страдала по Никто, а прошло едва полгода, как снова возмечтала о Валере Черкизове.

Нет, у нее просто такая непостоянная натура! А с Валером правило «с глаз долой – из сердца вон» не работает. Два года он думал только об исчезнувшей Ганке и, даже если она снова исчезнет, снова будет думать только о ней, это же ясно как день! Состоится экспедиция, не состоится – ничем это Валюшке в ее сердечных делах не поможет.

В эту минуту рулевой катера доложил Альфе, что за этот час иссякли все запасы горючего, но самое плачевное, что мотор вышел из строя. Перегрелся от напряжения! И программное обеспечение бортового компьютера барахлит...

– Мы можем вызвать другой катер, – сказал Альфа, не обращая ни малейшего внимания на свою плетью повисшую кровоточащую руку и поглядывая на Ганку. – Вопрос такой: будет ли в этом толк?

Все молча переглянулись, и вот тогда-то Витки Сейтман выразил вслух то, что поняли и другие, но с чем никто не хотел смириться:

– Это бесполезно.

– Вам надо кровь остановить, – встревоженно глядя на покрасневший рукав Альфы, сказал Лёначка. – При кровотечении из носа надо рукой, противоположной ноздре, из которой идет кровь, достать под локтем поднятой другой руки мочку уха – и вскоре кровь остановится.

Итак, Лёначка снова впал в свою суеверную нирвану и понес чепуху...

Все ошеломленно замерли, только Азанде вдруг проделал какое-то сложное телодвижение. Валюшка не сразу поняла, что это он попытался изобразить заданный Лёначкой алгоритм. Возможно, надеясь, что диковинный способ кровоостановления пригодится в колдовской практике, когда Азанде вернется в родимую Африку, в страну Азанде?

Наконец Ганка растерянно проговорила, нарушив общее онемение:

– Но ведь у него кровь не из носа идет...

– Ах да, – спохватился Лёначка. – Ну, коли так, надобно зажать стенной сучок в избе – кровь станет.

– Лёначка, оставь свои крезанутые советы, – вздохнул Валер. – Здесь ни избы нет, ни сучка в стене. Нужен элементарный перевязочный пакет!

– Уже не нужен, – улыбнулась Ганка и показала глазами на Альфу.

Все с изумлением обнаружили, что рукав его форменки совершенно чист от крови, да и пальцами он мог шевелить свободно.

– Колдовство! – испуганно взвизгнул Азанде и ткнул пальцем в Ганку. – Я говорил, что она ведьма! И именно она нас сюда притащила! Мы все во власти ведьмы!

– Может быть, ты хочешь вернуться туда, откуда пришел? – спокойно спросила Ганка. Азанде даже съежился:

– Нет! Нет, я не хочу возвращаться! Я хочу исполнить свой долг. Я хочу снова делать то, для чего был рожден, но так мало...

¹² Об этом шла речь в повести Елены Арсеньевой «Сын Тумана».

Он вдруг замолчал, словно язык прикусил.

– Тогда оставь, пожалуйста, все эти разговоры про душу колдовства, легкие, печень и прочее, – почти ласково попросила Ганка, и Азанде кивнул, опустив свои лошадиные глаза.

«Что это он ее так рабски слушается?» – рассердилась Валюшка, и отношение ее к Азанде несколько ухудшилось.

– Тем более что колдовство тут ни при чем, – подхватил Альфа. – Это всего лишь достижения медицины, используемые в воинском снаряжении. Моя одежда изготовлена из материала, который реагирует на изменения, происходящие в организме, и если эти изменения несут вред здоровью, он их ликвидирует. Попросту говоря, лечит. Понятно?

Азанде растерянно хлопал глазами.

– И на челе его высоком не отразилось ничего, – пробормотала Валюшка, но тут же прикусила язык, когда Азанде подозрительно на нее покосился.

Нет, надо быть осторожней с этим типчиком! Еще напустит своих скорпионов!

– Предлагаю тему моего ранения считать исчерпанной и перейти к делу, – продолжил Альфа. – Я тоже думаю, что новый катер нам не поможет. Этот туман даже ледокол не прорежет!

– А вы можете вызвать подводную лодку? – спросила Валюшка, диву даваясь, что никому в голову не приходит этот простейший и очевиднейший вариант. – Под водой тумана не бывает.

Альфа мгновенно переглянулся с Ганкой и сказал:

– Тумана там и в самом деле нет, однако есть необычайно сильное противоборствующее течение. Мы уже испробовали вариант с подводной лодкой, когда отправляли одну из предыдущих экспедиций. Напрасная затея!

Валер поднял руку, как на уроке:

– Можно мне сказать?

Ганка кивнула, потом, покосившись на нее, кивнул и Альфа:

– Конечно, говори.

«Что происходит?! – напряглась Валюшка. – Это мне не кажется, это уже не в первый раз Альфа и в самом деле как бы советуется с ней! Почему?!»

– Помните лодку Урана? – спросил Валер, окинув взглядом Лёначку, Валюшку и Ганку. Все трое кивнули.

«Так ей и про Урана известно, и про его лодку?! – поразились Валюшка. – Кажется, кто-то слишком много знал...»

– Помните, как она помогла нам в прошлом году выбраться с Острова?

Теперь Валер смотрел только на Лёначку и Валюшку, и ей стало немного легче: об этом Ганка знать не могла, потому что прошлым летом участвовала в их приключениях только в виде смятого портрета, напечатанного на газетной бумаге. Хотя нет – она также присутствовала в виде своего светлого образа, навеки запечатленного в сердце Валера... Ну и сидела бы там – зачем вылезла на свет божий, спрашивается?!

– Думаю, только лодка Урана поможет нам туда добраться, – вернул Валюшку к реальности голос Валера.

– И где вы ее возьмете? – спросил Витки Сейтман.

Азанде важно кивнул, демонстрируя, что его тоже интересует этот вопрос.

Валюшка вытаращила было глаза, но тут же вспомнила слова Альфы о том, что специалисты в курсе всего, что происходило вокруг Острова.

Ну что ж, тем лучше! Никому ничего не надо объяснять.

– Прошлым летом лодку к нам на помощь прислал Уран, но он погиб, – напомнил Лёначка, который снова обрел способность мыслить логически и выражаться по-человечески. Неведомо, конечно, надолго ли!

– Но в самый первый раз, еще позапрошлым летом, лодка напала на нас с Сан Саным, – возразил Валер. – Однако вдруг она еще помнит последний приказ Урана – помогать мне, подчиняться мне – и поэтому явится к нам на помощь, если я ее позову?¹³

– И как ты собираешься ее позвать? – со скептическим выражением спросил Азанде. – Это же не дрессированный ягуар, который примчится на зов хозяина, чтобы поразить его врага?

– Корабли викингов повиновались их воле во время хождения по морям, выбирая курс, однако я никогда не слышал, чтобы хоть один из них сам по себе снимался с якоря и плыл к своему хозяину, – добавил скепсиса и Витки Сейтман.

«При чем тут викинги, интересно знать? – удивилась Валюшка. – Они невесть когда жили! Витки Сейтман что, не только специалист по погоде, колдун, но и историк?»

– У этой лодки не было якоря, – пояснил Валер. – Иногда Уран привязывал ее веревкой вон там, на мостках.

Он махнул рукой в сторону чахлой пристани, потом взглянул на Ганку – и они снова погрузились во взаимное ошалелое созерцание. Видимо, и с привязыванием или отвязыванием лодки Урана у них тоже были связаны какие-то чудесные воспоминания.

Если честно, это уже порядком достало Валюшку!

– По-моему, мы зря тратим время, – буркнула она. – Что толку языками чесать? Надо попробовать позвать лодку. Приплывет она – отлично. Нет – тогда, видимо, придется разбрестись по домам.

Альфа нахмурился:

– Это что за пораженческие настроения? У нас нет пути назад. Кто же будет спасать человечество?

В голосе его не прозвучало ни малейшей насмешки. Азанде, Витки Сейтман, Валер и Ганка понимающе кивнули, а Валюшка вдруг сообразила, что чего-то не знает о подлинной цели этой экологической экспедиции. Судя по тому, как захлопал глазами Лёнечка, он тоже об этом не имел ни малейшего представления.

Очень интересно...

Витки Сейтман невзначай упомянул Гарма, Альфа обмолвился о спасении человечества, а еще раньше было сказано, что испробованы многие способы попасть на Остров. Зачем? Что они там собираются делать, на Острове? Вернее, что на Острове происходит? Как бы это выяснить? Если задать прямой вопрос, вряд ли получишь прямой ответ. Раз до сих пор никто не позаботился им с Лёнечкой ничего толком не объяснить, вряд ли это сделают сейчас.

И все же Валюшка решилась спросить, однако в эту минуту Альфа скомандовал всем высадку. После этого катер захромал прочь, держась ближе к берегу.

Озаряемые ярким, словно бы издевательски-ярким солнцем, «команда неудачников», как мысленно называла ее Валюшка, отошла чуть дальше от кромки воды и расположилась на скрипучей гальке.

Этот скрип жутко раздражал Валюшку. Казалось, кто-то шастает вокруг и замирает за спиной.

Конечно, никто там не шлялся и не замирал, но это все равно нервировало.

Валер встал на краю мостков, напряженно глядя в даль.

Он не произнес ни слова, да и вряд ли это было нужно. Как, ну как обратиться к лодке, которая некоторым образом также и рыба – огромный осетр? Вряд ли рыбы слышат человеческий голос. Хотя, кажется, дельфины что-то такое воспринимают – может быть, и осетры тоже?

¹³ Об этих событиях рассказывается в повестях Елены Арсеньевой «Остров погибших душ» и «Сын Тумана».

Нет, у Валера, похоже, ничего не получается... Вот он безнадежно махнул рукой, повернулся и понуро побрел к Ганке.

Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился, –

очень кстати вспомнила Валюшка пушкинские строки и ехидно ухмыльнулась. Она даже втихаря порадовалась, что Валеру не повезло, хотя, увидев, как Ганка нежно пожала ему руку, утешая, вся радость сгинула в неизвестном направлении.

– Давайте теперь я попробую! – воскликнула Валюшка, отчаянно надеясь, просто-таки молясь, чтобы лодка Урана приплыла на ее зов.

Приплывет – значит, она слушается теперь Валюшку. И если та посредине реки прикажет лодке выбросить за борт Ганку, которая, по всему видно, всерьез намерена плыть на Остров, – это будет вполне справедливо!

Но Валюшка тоже «долго у моря ждала ответа» и, тоже его не дождавшись, понуро побрела к Витки Сейтману, рядом с которым она не так остро ощущала свое поражение.

Он ободряюще сказал:

– Не грусти, Дистельфинк!

Валюшке и в самом деле стало чуть легче.

– Леонид, твоя очередь, – скомандовал Альфа.

Лёнечка, заплетаясь ногами, сутулясь и опустив голову так, что его длинные соломенные волосы почти занавесили ему лицо, с явной неохотой побрел к краю мостков.

«Сейчас бы ему самое время вспомнить какой-нибудь подходящий заговор! – подумала Валюшка сочувственно. – Например, на удачу рыболова... Нет, ничего у него не получится, сто пудов! И что тогда будет? Неужели Ганка выйдет лодку звать? А если лодка ей отзовется?! Нет, я этого просто не переживу, честное слово!»

И тут произошло нечто невероятное! Стоило Лёнечке встать на краю мостков и, выпрямившись, уставиться в речную даль, как в воздухе над рекой словно бы рябь пронеслась, и все поняли – нет, не увидели, а именно поняли, почувствовали! – что прозрачная стена, сквозь которую невозможно было пробиться, исчезла. Путь к Острову открылся! А в следующее мгновение посреди реки вздыбилась волна и на гребне ее появился острый рыбий плавник.

– Это еще что такое? – изумился Альфа. – Неужели акула?!

– Да ну, какие здесь акулы! – вскричал Валер. – Это она! Лодка!

Плавник стремительно приближался к берегу, и теперь все могли увидеть в волнах очертания огромной рыбы. Это был осетр – здоровенный, непредставимой величины осетр!

Он поднимался все ближе к поверхности воды и теперь стал виден весь: гладкий, желто-коричневый, шелковистый, но с панцирной спиной, похожий на лодку, плывущую килем вверх.

Но вот осетр перевернулся – и стало видно, что это вовсе не рыба, а и впрямь лодка!

Она шла носом к берегу, и можно было разглядеть, что справа и слева от носа нарисованы глаза. Один синей краской, другой зеленой. Иногда зеленый был закрытым, а иногда – синий, а иногда она таращилась обоими глазами, вот как сейчас.

Прошлым летом Валер был уверен, что больше ее не увидит. Но вот она появилась снова, только на сей раз не на его зов приплыла, а на зов Лёнечки, которого прошлым летом даже спасать не хотела!

Может быть, она одичала за год и всё забыла, в том числе приказ Урана подчиняться Валерке? Или решила, что, потеряв своего настоящего хозяина, теперь может выбирать нового по своей воле и подчиняться тому, кому захочет?

А что, с этой лодки станется! Ведь она живое существо. Но спасибо, что вообще явилась!

Лёничка обернулся к ошеломленной команде с выражением неприкрытого торжества, но тотчас его бледная, остроносая, голубоглазая, полуприкрытая прядями соломенных растрепанных волос физиономия приняла обычное отрешенное выражение.

– Чего это она взяла да и приплыла? – словно оправдываясь, пробормотал Лёничка. – Я ее и звать-то не звал. Просто подумал о ней – а она уж тут! Встала передо мной, как лист перед травой!

Надо было наблюдать лица Азанде, Витки Сейтмана и Альфы!.. Ганка и Валюшка видели лодку Урана раньше, поэтому они как-то держались, а эти трое буквально остолбенели, хотя Азанде и Витки Сейтман все-таки были колдунами, то есть должны бы привыкнуть к чудесам, а Альфа на службе всякого небось навидался. И тем не менее все трое были, прямо скажем, в шоке. Даже ворчливый илю онемел!

Наконец Альфа кое-как очухался и спросил у Лёнички, как если бы он и впрямь был хозяином лодки:

– Ну что, можно грузиться?

Тот пожал плечами, покраснев от смущения, и пробурчал что-то, означающее согласие.

Лодка смиренно ждала, приткнувшись к мосткам кормой. Ишь ты, встала именно так, чтобы в нее удобнее было садиться!

Лёничка не без опаски подал пример, забравшись первым в утлое суденышко. Банки¹⁴ были еще сырыми, на дне плескалась вода: лодка-рыба не успела просохнуть.

Вслед за Лёничкой осторожно прошла Валюшка, потом прыгнул Валер, потом, опираясь на его руку, легко перескочила в лодку Ганка, причем Валеру показалось, что в этот момент куртку на его спине подожгли.

«Это Валентина уставилась!» – сообразил он, вспомнив, как ревниво косилась та на Ганку все утро. И про то, как прошлым летом стащила и спрятала Ганкин портрет, вспомнил...

Наверное, Валентина рассчитывала, что Ганка не поедет на Остров.

Ну и зря рассчитывала! Придется ей это перетерпеть! Зато как обрадуется, когда они все втроем – она, Валер и Лёничка – останутся на берегу ждать возвращения «переговорщиков с Островом», как Валер про себя называл Ганку, Азанде и Витки Сейтмана.

Ему не хотелось размышлять о том, что будет после, когда эти «переговоры» закончатся и все вернутся в Городишко. Он забыл спросить об этом у Марии Кирилловны, а сейчас сердце так и сжалось: неужели Ганка снова исчезнет? Неужели осуществленное невозможное станет самым обыкновенным невозможным?!

Было так тяжело даже подумать об этом, что Валер просто вытолкнул эти мысли из головы и принялся наблюдать за дальнейшей посадкой.

Витки Сейтман вскочил в лодку ловко и легко. Сразу было видно, что ему не раз приходилось выходить в море. Вот только лицо его сразу сделалось озадаченным, когда он обнаружил, что в лодке Урана нет ни весел, ни мотора...

– Помоги нам, Один! – пробормотал Витки Сейтман, с надеждой взглянув в небо.

Тем временем Азанде с самым решительным видом подошел к краю мостков и занес было ногу, чтобы опустить ее в лодку, но тут же на его черном круглом лице отобразился настоящий ужас – и он замер, будто окаменел.

¹⁴ Банки – поперечные перекладыны, на которых сидят в лодках.

– Ну, в чем дело? – нетерпеливо спросил Альфа.

– Мы там не поместимся! – взвизгнул Азанде.

– Тут полно места, – возразил Валер, причем не соврал: в лодке каким-то непостижимым образом стало гораздо просторней, чем было вначале. Поскольку вряд ли пассажиры уменьшились в размерах, приходилось признать, что в размерах увеличилось это некогда утлая посудина.

– Пусть ваши боги хранят вас от того, чтобы этим плаванием причинить мне вред или, сохрани и помилуй великий Мнибо Макумба, создатель и повелитель всех азанде, укоротить мою жизнь! Тогда вам придется очень плохо! – взвизгнул африканец. – Колдун, умерший неестественной смертью, превращается в злого духа – агириза. Эти агириза ненавидят людей, а больше всего – путешественников, которых они сбивают с пути, навлекают на них болезни или ссорят по пустякам. Так что, если не хотите заблудиться на Острове или быть съеденными крокодилами, не заставляйте меня садиться в это ужасное мокрое корыто, которое так сильно качается из стороны в сторону!

– Вот уж чего на Острове нет и никогда не было, так это крокодилов, я точно знаю! – усмехнулась Ганка, однако на Азанде это не подействовало: он по-прежнему качался на краю мостков, стоя на одной ноге.

– Не задерживайте посадку, уважаемый Азанде! – сердито сказал Альфа и довольно-таки неуважительным пинком отправил чернокожего колдуна вперед.

Валер и Витки Сейтман ловко подхватили его и усадили рядом с Вальюшкой. Азанде возмущенно вращал глазами и пыхтел, но главное, что он уже оказался на месте и деваться ему было некуда – разве что в воду, на которую он косился с нескрываемым страхом. Вслед за африканцем в лодку влетели два увесистых рюкзака (видимо, с провизией и дополнительным снаряжением для членов экспедиции), которые были надежно уложены на корме, а потом Альфа махнул рукой:

– Я остаюсь на связи! А вам семь футов под килем! – И с силой оттолкнул лодку Урана от мостков.

Видимо, лодке-рыбе это не понравилось. Она строптиво вильнула кормой, да так резко, что оба рюкзака, только что заботливо уложенные, свалились в воду и камнем пошли ко дну. Альфа встревоженно ахнул, но было поздно: лодка Урана рванула вперед с такой скоростью, словно у нее был и сверхмощный мотор, и парус, надутый попутным ветром, и весла, на которых сидели чемпионы мира в гребном спорте.

Пассажиры лодки увидели, как Альфа, стоявший на мостках, и сами эти мостки, и весь пустынный городишкинский берег с обветшалым дебаркадером мигом скрылись из виду, зато Остров надвинулся с пугающей быстротой, словно подпрыгнув к лодке. А потом, оказавшись на стремнине, она проворно опрокинулась набок, бесцеремонно выкинула людей в воду – и резко ушла на глубину.

* * *

Она повествует, Вёльва, она прорицает:

«Где-то есть остров –

Хресвельга владенье.

Ведьма живет там.

Варгамор имя ее,

Что значит «ведьма волков».

Все звери в лесу у нее под защитой.

Люто людей ненавидят

Варгамор с сыном,
Коего Урдом она назвала –
Именем Урд, Бездны Великой!
Дом на том острове сложен
Из камня живого.
Он страшен!
Гарм, Лунный Пёс,
Гость там желанный...»
Из «Сказаний о Гарме, Лунном псе»

* * *

Спасательные жилеты вмиг надулись, вытолкнув всех на поверхность, и на воде закачались шесть оранжевых поплавков, из которых торчали шесть голов с мокрыми слипшимися волосами и испуганно вытаращенными глазами. Из одного поплавок кроме головы вздымалась и черная рука: это Азанде пытался как можно выше поднять свой илю.

Валер поймал взгляд Ганки, которая оказалась метрах в двух от него, и попытался ободряюще улыбнуться.

– Ничего страшного! – крикнул он, хотя на самом деле ему было страшно, и даже очень. Но он не должен был подавать виду. – Надо поскорей добраться до берега.

Ганка улыбнулась в ответ и проворно повернулась в воде, чтобы плыть к Острову.

– Верно, ничего страшного! – подхватил Витки Сейтман, безмятежно улыбаясь. Или он умело притворялся, или выказывал немалое присутствие духа. – Берег почти рядом, а эти рыбки пузыри очень хорошо нас держат!

Азанде беззвучно открывал и закрывал рот (не то продышаться пытался, не то просто слов не находил для выражения своего отношения к создавшейся ситуации), однако тоже заработал ногами и свободной рукой, разворачиваясь к берегу.

– Мы похожи на кочки! – вдруг взвизгнул Лёнечка. – На оранжевые кочки! – И зашелся истерическим смехом.

Ганка взглянула сначала на него, потом на Валера. В глазах ее появилось встревоженное выражение, она крикнула:

– Лёнечка, возьми себя в руки! Надо скорей выбраться из реки!

– Помогите! – раздался вдруг хриплый крик, и все обернулись к Валюшке, которая бестолково била руками по воде, тараща ослепшие от ужаса глаза: – Помогите! Они тащат меня вниз... тащат в Хельхейм!

Валер сразу вспомнил, как она то же самое вопила прошлым летом, когда спасались с Острова, а потом объяснила, что ее тащили на глубину какие-то дети, утонувшие в проруби неподалеку от Городишка. Их она видела мертвыми в Хельхейме...

– Перестань! – грубо рявкнул Валер, опасаясь, что паника, овладевшая Валюшкой, охватит и других. – Вон Лёнечка уже явно не в себе!

Но Валюшка ничего не слышала. Она кричала, кричала – и не могла остановиться.

Витки Сейтман одним мощным гребком оказался рядом с ней:

– Замолчи, Дистельфинк! Ты погибнешь, если поддашься страху! Я помогу тебе, плывем вперед, ну!

Он подтолкнул послушно умолкшую Валюшку к берегу, но в этот миг высоко вспенилась волна, разбросав пловцов в разные стороны, и на поверхности реки вновь показалась лодка Урана.

Глаза ее, синий и зеленый, были сейчас злобно прищурены, и сразу стало ясно, что вынырнула она отнюдь не для того, что спасти своих бывших пассажиров. Впрочем, иначе зачем бы она их выбрасывала в воду? Но раньше это еще могло сойти за шутку, пусть и довольно дурацкую (кто ее знает, эту лодку-рыбу, может быть, у нее чувство юмора такое особенное, лодочное!), однако сейчас все сразу поняли: лодка Урана вернулась, чтобы убивать.

Тело ее превратилось в осетра, гибкого и проворного, а голова осталась тяжелой, деревянной, лодочной, и было очевидно: если она этой головой кого-нибудь из пловцов двинет, то убьет на месте!

Валер рванулся было к Ганке, чтобы прикрыть ее от удара, но лодка атаковала Азанде, оказавшегося к ней ближе остальных. Однако африканцу повезло: нос лодки угодил не ему в голову, а в барабан илю, которым Азанде успел заслониться. В илю образовалась дыра, через которую просунулся острый деревянный нос, и на миг лодка даже замерла, словно не понимая, что произошло.

Всё это было бы смешно, когда бы не было так страшно! Резко дернувшись, она стряхнула барабан с носа. Илю плюхнулся в воду и начал погружаться. Азанде издал пронзительный вопль, поймал илю и тотчас замолк, словно подавившись.

Но лодка уже забыла о нем: покосилась зеленым глазом на Валюшку – и метнулась вперед. Бросок ее желтовато-коричневатого гладкого тела был таким стремительным и мощным, что она прикончила бы Валюшку одним ударом, если бы Витки Сейтман сильным рывком не выдернул девчонку прямо из-под носа лодки.

Лодка явно растерялась и даже замерла, словно размышляя, куда девалась жертва, но на Валюшку больше не набрасывалась. Может быть, она не атаковала одну и ту же цель дважды, а может, у нее имелись какие-то свои резоны – кто ее знает! И вот она насторожилась, поводя носом из стороны в сторону, а потом... потом неторопливо повернулась к Ганке.

Этого Валер боялся больше всего!

Сейчас это чудовище атакует Ганку, а он еще слишком далеко от нее!

– Эй, ты! – завопил он, молотя ладонями по воде. – Лодка! Рыба! Сюда! Ко мне!

Ни лодка, ни рыба не обратили на него ни малейшего внимания. Изгибая панцирную спину, осетр с деревянной головой готовился к броску, от которого жертва никак не сможет ускользнуть. Волны вскипели вокруг рыбьего тела, словно часть той бурной ярости, которую испытывала лодка, разгорячила и воду. Вот осетр приподнялся над рекой...

И тут Витки Сейтман вскрикнул своим необыкновенным голосом, который сейчас звучал еще громче и пронзительней, чем раньше:

– Тор, бог грома! Услышь меня, сын Одина, защитник Асгарда и Мидгарда ¹⁵, богов и людей! О великий воин, воплоти свою силу в руне своей молниеносной! Надели меня ее мощью! Взываю к тебе! Взываю к тебе от всего сердца! Помоги мне! И пусть гнев Хресвелга, Варгамор и Урда падет на меня одного!

Каждое произносимое им слово, каждое непонятное имя вызывало дрожь, и это заставило даже лодку-рыбу замешкаться в броске. Она неуклюже плюхнулась в воду, вздымая тучи брызг, и Валер, с трудом проморгавшись, увидел, как Витки Сейтман сорвал с себя спасательный жилет, стеснявший его движения, и широким, сильным взмахом руки что-то начертал над своей головой.

И тотчас ему в руку, словно короткое крепкое копье, легла сверкающая молния! Сжимая ее, Витки Сейтман бросился на рыбу-лодку и вонзил молнию в один ее глаз, а потом, мгновенно вырвав ее, ударил и в другой.

¹⁵ Асгард – в скандинавских сказаниях небесное селение, крепость богов-асов. Мидгард – срединная земля, которая находится между огнем Муспеллхейма и льдом Нифльхейма, обитель людей.

Почему-то Валер в это мгновение больше всего был потрясен тем, что из одного глаза хлынула синяя краска, а из другого зеленая. Он до такой степени был убежден, что лодка живое существо, что не сомневался: кровь у нее должна быть красная!

Витки Сейтман выдернул копьё из второго глаза лодки и, сильным броском взметнувшись из воды, вскочил ей на панцирную спину. Чудище вздыбилось, встало на хвост, а потом опрокинулось желтым брюхом вверх, словно бы вдавив храбреца в воду. При этом оно мгновенно обратилось в лодку – всё, целиком, – так что северный маг должен был получить немалый удар осклизлым деревянным килем, и этот удар вполне мог его убить!

Какое-то мгновение лодка качалась на волнах, слегка поворачиваясь, словно пытаясь высмотреть свои жертвы дырами, которые зияли у нее вместо глаз.

Все замерли, затаив дыхание, надеясь, что Витки Сейтман сейчас вынырнет, но он не появлялся.

Внезапно лодка резко завалилась на один бок, на другой, подпрыгнула – и стало видно, что в ее бортах и в днище появились зияющие дыры, обведенные красно-черной каймой, словно бы прожженные чем-то. Да, именно прожженные: они еще дымились! Противно пахло мокрой гарью. В дыры хлынула вода. Лодка уже не могла метаться, поворачиваться: она погружалась, она тонула, и наконец по воде над тем местом, куда она канула, пошли круги.

Но никто не закричал радостно, никто не захлопал в ладоши, никто даже не вздохнул с облегчением: все по-прежнему всматривались в толщу воды, ожидая, когда покажется Витки Сейтман. Но он всё не появлялся, и Валер внезапно осознал, что прошла не одна минута с того мгновения, как лодка опрокинула колдуна вглубь.

«Пусть гнев Хресвельга, Варгамор и Урда падет на меня одного!» – вспомнились Валеру слова северного мага. Он не знал, кому принадлежат такие ужасные имена, но, похоже, эти существа отозвались на просьбу Витки Сейтмана.

Неужели он погиб? Неужели?! Ведь человек не может столько времени обходиться без воздуха!

Внезапно волна разошлась, и показалась мокрая голова с потемневшими от воды, но все же необыкновенно светлыми волосами, блеснули торжеством льдистые глаза.

И все заорали радостно, замахали руками, причем Азанде, чуть ли не наполовину выскакивая из воды, несколько раз ударил кулаком в илю, но все время попадал в дырку, отчего илю не издал ни звука.

– Ох, я уже думала, мы тебя больше не увидим, – всхлипнула Валюшка. – Ты так долго не выныривал! Я боялась, что эта проклятая лодка тебя утопила.

Витки Сейтман рассмеялся:

– Не грусти, Дистельфинк! Мое время хоть и миновало, но все же еще не настало. – Произнеся эту странную фразу, он покосился на Ганку, виновато улыбнулся и добавил: – Я ведь потомок викингов, а нас так легко не утопишь!

«Опять он про своих викингов! – насторожилась Валюшка. – Неспроста это...»

– Это было потрясающе! – прохрипел Валер, который как затаил дыхание, ожидая, когда вынырнет Витки Сейтман, так до сих пор не мог продышаться. – Но где твое копьё? Неужели утонуло?

– Тор дал мне свою молнию, Тор и взял ее обратно, – пояснил Витки Сейтман. – Теперь у меня осталась только руна лёгр, руна воды, но и без нее воды вокруг достаточно.

– Д-да уж, вод-ды больше не надо! – выбила Валюшка дробь зубами. – И она т-такая холод-дная!

Ганка крикнула:

– Скорей к берегу, пока все не простудились!

Поплыли – каждый в меру своего умения. Витки Сейтман поддерживал Валюшку, Валер – Азанде, который держался на воде только благодаря жилету, а Ганка помогала Лёнечке, пловец из которого оказался совсем никудышный.

Наконец они достигли Острова и выбрались на прибрежный песок, до которого кое-где дотягивались из леса полосы травы.

Ганка вылила воду из своих кроссовок-шлепанцев, которые каким-то чудом не свалились с ее ног в реку. Потом обеспокоенно огляделась.

Валер тоже осмотрелся. Берег был, конечно, пуст, и только сейчас до Валера дошло, что возвращаться в Городишко им не на чем...

Он промолчал, чтобы не сеять панику. Однако, возможно, та же мысль пришла и остальным, потому что замолчали как-то все разом. Впрочем, люди были заняты тем, что снимали спасательные жилеты и оглядывались в поисках места, где можно было бы стащить с себя одежду, с которой так и текло, и если не высушить, то хотя бы выкрутить ее. Азанде, посеревший от холода, выглядел в своей обвисшей травяной юбчонке особенно жалко.

«Интересно, как он юбочку отжимать будет? – забеспокоился Валер. – Изорвется ведь вся!»

– Если с левой полы какого-то человека постоянно капает вода, если место, где бы он ни сел, постоянно оказывается мокрым, а когда он начнет причесываться, с волос тоже струится водица, то это, несомненно, водяной, принявший образ человека и вышедший на белый свет, – критически оглядывая себя, пробормотал Лёнечка.

Валюшка и Ганка хором рассмеялись, но тут же умолкли, неприязненно переглянувшись и словно бы раскаявшись в том, что смеялись вместе.

– Ну что, мальчики направо, девочки налево? – бодро предложил Валер, указывая на тальниковые заросли.

– Идите, – сказала Ганка. – Мы и так как-нибудь высохнем.

Витки Сейтман и Азанде тоже не тронулись с места.

– Да ты что? Простудиться решила? – возмутился было Валер, однако Ганка бросила на него строгий взгляд и чуть качнула головой.

«Понятно! Им надо посоветоваться, обдумать ситуацию», – сообразил Валер и больше не настаивал.

– Ты поосторожней, Ганка, – еле шевеля посиневшими губами, сказала Валюшка, заметив, как та отжимает полы плаща. – Сильно не выкручивай свои лохмотья, а то щеголять не в чем будет.

– Да ты не переживай, Валюшка, – ласково ответила Ганка. – Как-нибудь! А вот если твои джинсы сядут, когда высохнут, тебе и в самом деле не в чем будет щеголять!

Валюшка, на крепких и совсем не узких бедрах которой джинсы сидели не просто в обтяжку, но буквально в обlipочку, замерла с открытым ртом, видимо не сразу найдя, что ответить, однако долго ее замешательство не продлилось: она окинула худенькую Ганку презрительным взглядом и, процедив:

– На кости только собаки бросаются! – последовала к кустам, оставляя за собой мокрые следы.

«О, женщины!» – с тяжким вздохом подумал Валер. Судя по выражению лиц Витки Сейтмана и Азанде, о том же подумали и они. А Лёнечка, сочувственно глядя вслед Валюшке, изрек:

– Разрезать яблоко пополам, в середину его положить записку с именем любимой персоны и выложить на солнышек. По мере того как сохнет яблоко, возлюбленный человек будет сохнуть по тебе.

Ганка засмеялась. Витки Сейтман опустил голову, скрывая усмешку. А у Азанде сделался очень сосредоточенный вид, словно он наматывал на ус и этот совет, намереваясь использовать его дома.

Валюшка обернулась, с мстительным выражением погрозила Лёначке кулаком и скрылась в кустах.

– Пошли уж, советчик! – потянул Лёначку за руку Валер, краем глаза успев заметить, как Ганка, Витки Сейтман и Азанде быстро шагнули друг к другу и о чем-то тихо заговорили.

Ревность так и кольнула его. Он всё понимал, но было очень больно оттого, что он для Ганки – лишь воспоминание, не более! Он – ее прошлое. А в настоящем... а в будущем?! Есть ли у них будущее?

Нет, лучше об этом не думать. Лучше радоваться тому, что есть. Что она есть!

– Бросят они нас, – пробормотал Лёначка, забившись в глубину зарослей и с трудом выпутывая свои длиннющие тощие ноги из мокрых джинсов. – Мы им зачем нужны были? Только до Острова проводить. А тут у них свои дела! Уйдут в лес, а нам на берегу сидеть, ждать у моря погоды. И невесть чего мы дождемся!

Валер подавил вздох. Он предполагал что-то в этом роде и в самом деле боялся, что «специалисты по погоде» и Ганка воспользуются их отсутствием и отправятся в глубь Туманного Острова самостоятельно. Поэтому стащил с себя мокрые вещи, выкрутил их и вновь напялил с рекордной скоростью.

– Давай не задерживайся, а то и правда уйдут! – бросил он Лёначке, который еще только выпутывался из рукавов рубахи, и выскочил из кустов.

И здесь он испытал шок...

Нет, Ганка, Азанде и Витки Сейтман никуда не делись: они стояли там же, рядом друг с другом, о чем-то переговариваясь, но их одежда... она была совершенно сухой! И не только одежда! Шевелились от ветра легкие кудряшки на висках Ганки и травинки на юбчонке Азанде, солнце блестело на гладких белых волосах Витки Сейтмана и его кафтане...

Он вспомнил слова Марии Кирилловны, что надо быть готовым ко всему, – и его снова затрясло, как от холода, хотя солнце светило жарко.

С надеждой подумал: «Хорошо, что Валентина и Лёначка так долго переодеваются. Может, и не заметят ничего! Решат, что солнце здесь жаркое, вот они и высохли так быстро! Да, Витки Сейтман и Азанде – это не просто люди. Они... тоже «осуществленное невозможное»! Такое же, как Ганка... Это значит, что... Что они вообще не люди? Ну эти двое – ладно, пусть будут кем угодно, но она, она?!»

– Валер, – сказала Ганка очень серьезно, глядя на него чуть исподлобья, – ты понимаешь, что вам троим придется остаться здесь?

Витки Сейтман сочувственно кивнул. И Азанде кивнул, хотя и без всякого сочувствия.

– Вы должны были только помочь нам выбраться на Остров, – продолжала Ганка. – Конечно, все пошло не так, как хотелось бы, но первая задача выполнена. А теперь нам надо идти дальше, а вам – ждать нас здесь. И тебе придется объяснить это Лёначке и Ва...

Она вдруг умолкла на полуслове, уставившись куда-то за плечо Валера, и глаза ее сделались большими-пребольшими и наполнились ужасом.

Валер и стоявшие рядом с ним Азанде и Витки Сейтман обернулись как по команде – и замерли.

Поднялась недалеко от Острова волна – и пошла к нему, рассыпаясь брызгами, из которых... из которых возникали существа, и иначе как чудовищами назвать их было невозможно.

Впереди неслась туша огромной рыбы, искромсанной чьим-то острым ножом, и Валер, кажется, знал, чей это был нож и кто ее искромсал! Сквозь клочья кожи виднелись изломанные кости. Через мгновение рыба приняла вид покрытой щелями и дырами лодки – осклиз-

лой, гнилой, омерзительно воняющей падалью, как будто она и впрямь была полуразложившейся рыбиной!

За ней поднимались из воды увитые водорослями, черные от тины скелеты людей и животных и неслись по волнам всё ближе и ближе к берегу, простирая костлявые конечности и тараща пустые глазницы.

Ганка покачнулась, словно у нее подкосились ноги, однако Валер успел подхватить ее, с силой встряхнул и поволок за собой, ринувшись в глубь Острова.

Сейчас некогда было падать в обморок!

Он не сомневался, что чудовища смогут выйти на берег и даже сделать по нему несколько шагов. А может, и не несколько...

Надо было спасаться и спасать других!

Ноги у Ганки сначала заплетались будто тряпичные, но вскоре она собралась с силами.

– Бегите! – завопили они с Валером в один голос. – Валентина, Лёнечка, бегите! Бегите!

А вдруг эти двое еще не переоделись, а вдруг не расслышали, а вдруг не поняли или не поверят?!

На счастье, Азанде и Витки Сейтману ничего не надо было объяснять. Они видели надвигающийся кошмар своими глазами и бросились прочь, однако каждый успел влететь в кусты – один справа, другой – слева и через мгновение Витки Сейтман тащил оттуда Валюшку, а Азанде – Лёнечку.

К счастью, те были уже одеты, только Валюшка не успела надеть куртку.

Увидев то, от чего утаскивал ее Витки Сейтман, она пронзительно взвизгнула – и обвисла в его руках, уронив куртку.

Витки Сейтман перекинул Валюшку через плечо, подхватил ее куртку и снова понесся вперед.

Азанде сначала подталкивал Лёнечку в спину, а потом сунул под мышку и потащил, причем на скорости его бега это никак не отразилось: работал своими длинными ногами он с невероятным проворством и скоро всех обогнал, однако то и дело оглядывался, словно проверяя, не отстали ли жуткие преследователи, – и снова летел вперед, что означало: нет, не отстали!

За ним неслись Витки Сейтман с Валюшкой через плечо. Валер и Ганка мчались последними, то и дело переглядываясь, в любой момент готовые прийти друг другу на помощь.

Наконец они достигли леса и вломились было в чащу, но тут Ганка рискнула оглянуться – и резко остановилась, дернув Валера за руку так, что он крутнулся на месте:

– Стой! Погони больше нет!

И в самом деле – чудовища исчезли...

– Погодите! – крикнул Валер остальным, но сразу зажал рот рукой: что, если Ганка ошиблась? Деревья, конечно, скрыли их от подводных чудищ, но вдруг те услышат его крик и прибегут на голос?

Однако никаких звуков, кроме тяжелого, запаленного дыхания, слышно не было.

Витки Сейтман осторожно опустил Валюшку на землю, похлопал ее по щекам, и она открыла полубезумные глаза.

– Все хорошо, Дистельфинк, – сказал Витки Сейтман. – Мы в безопасности. Хотя какое еще хекс нас ожидает – никому не известно!

– Хекс-бре-ке-кекс, – нервно пробормотал Валер.

– Хекс – это значит колдовство, чародейство, – пояснил Витки Сейтман. – Оно бывает и злым, и добрым.

– Пока мы видим только зло! – изрек Азанде, вразвалочку подходя к остальным и вынимая наконец из-под мышки Лёнечку. – Этот Остров и вода вокруг – самые мерзкие места, где мне приходилось бывать и в жизни, и после нее.

– Как это – после нее? – озадачилась Валюшка. – Ты что имеешь...

– А ведь теперь нам придется идти всем вместе, – перебил ее Витки Сейтман. – Мы не можем оставить наших сопровождающих. Неизвестно, что затаилось в этом лесу, что может выскочить оттуда в любой момент и напасть на них.

– Например, бродячие деревья, – пробормотала Ганка.

Валюшка презрительно фыркнула, однако Ганка только вздохнула:

– Ничего смешного нет. Я здесь такого насмотрелась, что никакой фантазии не хватит представить! Вот этот дуб, например.

Она показала в сторону огромного, не менее чем столетнего дуба. Вот уж правда – это был настоящий патриарх леса! Кора его взбугрилась узлами, ветки широченной раскидистой кроны гнулись под тяжестью листвы и множества желудей. Здесь были и зрелые, пожелтевшие и даже почерневшие желуди, и едва завязавшиеся бледно-зеленые крошечные шишечки-желудята, словно дуб держал при себе, под своим заботливым присмотром, все свое потомство – от рождения до глубокой старости.

Ветви его отбрасывали такую густую тень, что у корней не росло ни единой травинки – их окружала голая земля.

– И этот дуб тоже бродит? – недоверчиво спросила Валюшка.

– Нет, он слишком стар, чтобы сдвинуться с места, – качнула головой Ганка. – И у него вечно болели старые корни... Но все же эти корни могли доползти хоть до другого края Острова, схватить беглеца и притащить обратно.

Азанде пригнулся к огромным толстым черно-коричневым корням дуба, чтобы лучше разглядеть. Лицо его приняло настороженное выражение.

– Они похожи на затаившихся змей, – пробормотал он.

– Здесь все деревья как затаившиеся змеи, – хрипло проговорила Ганка. – Каждое было нам врагом! Они слушались Веру и Урана, как солдаты! Только осина нас жалела, за это Вера ее под топор грозила отдать. Может быть, и отдала, когда осина меня в воду бросила и спасла!

– Ганка, а что ты вообще здесь делала, на Острове? – с любопытством спросила Валюшка.

– Долго рассказывать, – Ганка отвела глаза. – Может, когда-нибудь потом...

– Валер говорил, тут людей за что-то наказывали, – не унималась Валюшка. – Но два года назад ты вообще малявкой была! Тут было что-то вроде колонии для малолетних преступников?

– С чего ты взяла? – взъярился Валер, но Ганка посмотрела на Валюшку и спокойно ответила:

– Да, что-то вроде колонии. Только преступник человек или нет, определяли не суд, не полиция, а Вера и Уран ¹⁶. Насколько справедлива бывала Вера, ты, кажется, на своем опыте могла узнать в прошлом году?

Валюшка не нашла, что ответить.

– Да уж, милосердия от Варгамор и Урда ожидать не стоило! – покачал головой Витки Сейтман.

– Кто это? – спросил Валер, вспомнив, что эти имена уже звучали. – И этот... Кр... Хр... гр? Ну, про которого ты кричал, когда обращался к Тору?

– Хресвельг – такой же страж Хельхейма, Ледяного ада, как и Гарм, – ответил Витки Сейтман.

Валюшка побледнела и пронзительно вскрикнула:

– Гарм?! Но ведь сейчас не Йольтайд! Сейчас не зима! Почему же...

¹⁶ О том, что там происходило, идет речь в повести Елены Арсеньевой «Остров погибших душ».

Она осеклась, с ужасом оглядываясь. Глаза ее наполнились слезами.

Витки Сейтман сочувственно положил рукой на плечо, но ничего не сказал.

– Что такое Йольтайд? – вмешался Валер.

– Сейчас не время читать лекции, – нахмурилась Ганка. – Сначала надо закончить наши дела. Пора идти дальше!

Слезы Валюшки мгновенно высохли, и она воинственно подбоченилась:

– Я и шагу дальше не сделаю, пока вы наконец не объясните, какие у вас тут дела. Мы должны обо всем знать, если нам придется идти вместе с вами!

– Я тоже, – пробормотал Лёничка, устало присаживаясь на один из мощных дубовых корней. – Я тоже хотел бы все узнать.

– И я! – глухо сказал Валер.

– И ты?! – воскликнула Ганка. – Но ведь тебе все объяснила Мария Кирилловна!

– Кто? – насторожилась Валюшка.

– Руководитель нашей группы, – буркнула Ганка.

– Начальник экспедиции, что ли? – уточнила Валюшка.

Ганка кивнула.

– Интересно! – воскликнула Валюшка скандальным голосом. – Экспедиция на Острове, а начальник неизвестно где!

– Не волнуйся, – бросила Ганка. – Мария Кирилловна в курсе всего, что здесь происходит.

– У тебя с ней телепатическая связь, что ли? – ухмыльнулась Валюшка.

– Представь себе! – огрызнулась Ганка. – И не только у меня, но и у Витки Сейтмана и Азанде. Словом, у всех участников экспедиции.

– Ну да, ну да... – ехидно протянула Валюшка. – Вы участники экспедиции, а мы ни в чем не участвовали, да? Из лодки вместе с вами не выпали, не тонули, от чудищ Хельхейма не бежали... Чушь! Мы точно так же рискуем жизнью, как вы! И просто подло тащить нас в глубь Острова, если там нас невесть какой страх ждет!

– Между прочим, вас никто не тащит. Вы имеете полное право остаться здесь, – сказала Ганка с нескрываемой надеждой. – Вам совсем не обязательно идти с нами!

– Попробуй меня остановить! – рассердился Валер. – Я с тобой пойду. Без разницы куда! И всё! И разговор окончен!

– Да?! – истерически завопила Валюшка. – Ты с ней хоть на край света, и тебе до лампочки, где этот край? А я должна тут оставаться, сидеть и ждать, пока меня не превратят в какое-нибудь чудище?!

– Никто тебя ни во что не превратит! – снисходительно сообщила Ганка. – Это могли делать только Вера и Уран, а они давно погибли.

– Однако воины не могут идти в битву, не понимая, ради чего им предстоит сражаться, – вмешался Азанде, с укором глядя на Ганку. – А они, – он кивком указал на Валюшку, Лёничку и Валера, – теперь такие же воины, как мы. Они рисковали вместе с нами, они храбро держались, они заслуживают объяснений.

– Но я не могу, я не имею права рассказать им всё! – воскликнула Ганка, и ее слова больно ударили Валера в сердце: «Им? Я для нее всего лишь один из «них»?!»

Но Ганка словно почувствовала эту боль. Не обращая внимания на пыхтение Валюшки, взяла Валера за руку, заглянула в глаза:

– Я никому не могу рассказать всего, даже... даже тебе!

И всё, и отлегла тяжесть с души, и успокоилось сердце, и Валер почувствовал, как счастливая улыбка расползается по его лицу.

«Любовь! – подумал он ошарашенно. – Это же ужас что такое!»

– Тили-тили-тесто, – гнусным голосом провила Валюшка, но Валеру это было совершенно безразлично.

– Не роняй своего достоинства, Дистельфинк, прими поражение стойко, как воин принимает рану, – негромко сказал Витки Сейтман. – Не желай себе чужой судьбы и не пускай зависть в сердце свое!

– И ты туда же?! – возмущенно взвизгнула Валюшка. – Вы все с ума от нее посходили, что ли? Конечно, у нее и глаза, и ресницы, и кудри, и вообще...

– Дистельфинк, клянусь, у меня на родине ты считалась бы первой красавицей! – поспешно перебил ее Витки Сейтман. – И любой викинг был бы счастлив, если бы ты первая встречала его драккар, вернувшийся из плавания!

– Да и в Африке вождь любого племени отдал бы за тебя самые лучшие бивни, и золотые слитки, и сверкающие камни самой чистой воды! – подхватил Азанде.

– Опять какая-то древняя история... драккары, викинги, вождь племени... – проворчала Валюшка вроде бы сердито, но все же не смогла сдержать довольной ухмылки.

– А теперь все-таки давайте объясним им, что происходит, – мягко проговорил Витки Сейтман. – Я готов сделать это.

– Хорошо, – устало кивнула Ганка. – Ведь все началось с тебя...

* * *

Она повествует, Вэльва, она прорицает:

«Тот, кто не знает футарка ¹⁷

И тайн сочетания рун

Понять не способен,

Подобен слепцу.

Он к пропасти мчится

Без мысли, без страха,

Гарм потешается злобно над ним,

А Хель ему вторит.

Читайте же руны, потомки, –

Поймете, быть может, когда ожидает вас гибель.

Ведь Агисхьям, ужаса шлем,

В небе начертан уже!

В году невозможно далеко

От года, когда я пророчу,

Нахлынет на Мидгард дождь морозящий,

Столь долгий, что горькому плачу небес

Подобен он будет.

Тот дождь принесет

Нужду беспросветную

И пустоту –

Бесконечную, вечную!

А следом за пустотой

Нагрянет ягода тиса во льду,

Смертельные дни для людей знаменуя.

Я год назвала,

¹⁷ Футарк – рунный алфавит. Так называемый старший футарк насчитывает 24 руны, младший футарк – 16.

Когда это случится.
Читайте же руны, потомки,
Чтоб встречу с Псом Лунным и Хель красноглазой
Достойно и гордо принять!»
Из «Сказаний о Гарме, Лунном псе»

* * *

– Началось с меня? – задумчиво спросил Витки Сейтман. – Да нет, не с меня, а с моей прабабки! Она жила так давно, что я не могу сосчитать количество поколений, которое разделяет ее дни и нынешние времена!

Валер только вздохнул, услышав эти странные слова. Всего лишь прабабка – и несчетное количество поколений?.. Нет, лучше перестать удивляться, все равно понять ничего невозможно!

– Она была пророчицей, прорицательницей, имя которой – Вёльва – известно до сих пор не только в наших северных землях, но и по всему миру. Теперь оно обозначает всякую предсказательницу. Позднее о ней писали книги, слагали поэмы. А раньше к ней на поклон приходили конунги и викинги, влюбленные девушки и мужчины, сраженные страстью, матери, которые волновались о судьбе детей... Одним Вёльва предсказывала удачу, другим – крушение их кораблей или счастливое плавание, третьим – гибель в житейских бурях или торжество над ними. И ни разу, ни единого раза не ошиблась в своих предсказаниях! Поэтому тем ее словам, которые я вам перескажу, можно верить. Это предсказание тоже записано в одной знаменитой книге, однако лишь в отрывках, да и те искажены последующими пересказами. Но в нашем роду суть этого предсказания передавалась в течение многих поколений от слова до слова и сохранялась как величайшая тайна. На это предсказание наложила проклятие сама Хель, хозяйка Ледяного ада, запретив открывать его людям. Страшная смерть грозит тому, кто нарушит запрет! Но я ведь... – Витки Сейтман запнулся, но потом снова заговорил: – В этом предсказании великая Вёльва назвала год, когда свершится гибель всего живого на земле. Для ее современников это число было загадкой, однако чем дальше уходили годы, тем больший открывался в нем смысл. И когда дата стала известна ученым, они были поражены странным и пугающим совпадением! Сейчас вы узнаете об этом и поймете, что я имею в виду.

– Стоп! – воскликнула Валюшка. – Я правильно поняла, что ты погибнешь, если откроешь нам эту тайну?!

На лице Витки Сейтмана мелькнула печальная и в то же время дерзкая улыбка, и он сказал:

– Эта тайна уже известна ученым. Я открыл ее – и поэтому сейчас с вами!

– Значит, проклятие Хель на тебя не подействовало?! – обрадовалась Валюшка. – Ты остался жив?!

– Ну да, – как-то не слишком уверенно пробормотал Витки Сейтман.

Валер от души надеялся, что никто, кроме него, не заметил этой странной интонации...

– Кажется, кто-то хотел поскорей узнать о цели нашей экспедиции? – нетерпеливо бросила Ганка. – Может, не будем тратить время на дурацкие вопросы?

– Дурацкие? – изумилась Валюшка. – Для тебя что, жизнь Витки Сейтмана ничего не значит?! Да ты просто робот какой-то, а не человек!

Ганка побледнела, но промолчала.

Витки Сейтман протестующее покачал головой:

– Успокойся, Дистельфинк. Жизнь и смерть отдельного человека и в самом деле ничто по сравнению с грядущей гибелью всех людей. Довольно того, что я стою здесь, отвечаю на твои вопросы и восхищаюсь твоей красотой.

«Ничего себе! – мысленно восхитился Валер. – Да уж, Витки Сейтман знает, что надо говорить девчонкам! Какой довольный, да нет – просто счастливый вид у Валентины!»

Азанде многозначительно подмигнул Валеру, Лёнечка снисходительно покачал головой, Ганка отвела глаза, пряча улыбку, а Витки Сейтман продолжал:

– Вот строки, где названа эта роковая дата:

В году невозможно далеко
От года, когда я пророчу,
Нахлынет на Мидгард, землю людей, дождь моросящий,
Столь долгий, что горькому плачу небес
Подобен он будет.
Тот дождь принесет
Нужду беспросветную и пустоту
Бесконечную, вечную.
А следом за пустотой
Нагрянет ягода тиса во льду,
Смертельные дни для людей знаменуя.

– Как же это понять? – озадачился Лёнечка.

– Понять это может только тот, кто понимает смысл рун, которые скрыты в предсказании, и знает их числовое значение в футарке – рунном алфавите, – объяснил Витки Сейтман. – Сложность в том, что у каждой руны несколько значений, и нужно угадать именно то, на которое намекает Вёльва. Существует столько толкований рун, что в них можно запутаться! И даже называют их по-разному! Но мне – прямому потомку Вёльвы! – известен их подлинный смысл – тот, который вложила в свое предсказание именно она. Итак, начнем! Сначала Вёльва говорит о дожде моросящем, о плаче небес. Одно из значений руны Ир – именно бесконечная морось, от которой гниют посевы. В младшем, шестнадцатирунном, футарке, которым пользовалась Вёльва, руна Ир стоит второй.

– А как она выглядит, эта руна? – спросила Валюшка.

Витки Сейтман огляделся, нашел возле корней дуба сломанную веточку и нацарапал ею на голой земле такой знак:

– Далее говорится, что дождь принесет на землю нужду. Руна Науд – это руна беспросветной нужды.

На земле появился косой крест:

– Следом Вёльва упомянула ягду тиса во льду, – продолжил Витки Сейтман. – Руна Эг соответствует дереву тис, у которого ядовиты хвоя и ягоды. Это руна вечности – и неотвратимости смерти! А руна льда, руна, обозначающая ужас, которая исходит из Хельхейма, любимая руна Хель, называется Исс. Вот она:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.